

Алла Лебедева

ЦВЕТНЫЕ ТУМАНЫ

РОМАН

Иркутск 2023

Алла Михайловна Лебедева

Цветные туманы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70730860

SelfPub; 2024

Аннотация

Эльвира, героиня романа, врач по профессии, стала писать книги о женских судьбах. Вскоре она замечает, что в судьбах близких ей людей происходят случаи, ранее описанные в её романах. Это пугает и настораживает Эльвиру, а знакомые стали обвинять её в колдовстве.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	59
Глава 4	96
Глава 5	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Алла Лебедева

Цветные туманы

Глава 1

Эльвира сидела в огромном, обитом фиолетовым бархатом кресле и мрачно курила, сбрасывая пепел в камин.

Рядом, на маленьком стеклянном столике, остатки завтрака: чашка недопитого кофе, кусок белого хлеба с сыром.

«Да что там могло случиться у Бертика?» – размышляла Эльвира. Постанывая, она растирала ладонями болезненные икроножные мышцы.

Её младший брат Альберт второй месяц не отвечал на звонки.

Нельзя сказать, что их отношения с братом были настолько близкими, что они созванивались ежедневно, однако пару раз в месяц они интересовались делами друг друга.

В конце февраля у Альберта был день рождения, Эльвире хотелось поздравить его, но трубку опять никто не поднял. Ей не хотелось звонить невестке, чтобы узнать о здоровье брата.

Огонь в камине то разгорался, то вдруг затихал настолько, что оставались только подёрнутые серой плёнкой кучки красного пепла.

Когда-то Эльвира, одно время чрезвычайно увлечённая буддистскими практиками, спросила у тибетского ламы ответ на один интересовавший её вопрос.

– Ответ повсюду. Научись смотреть. Весь окружающий мир пытается тебе ответить, – сказал тогда лама.

За окном дул пронизывающий ветер. На тонкой берёзовой веточке сидел одинокий воробышек. Сильные порывы холодного ветра грозили унести это невесомое создание в небесную круговерть. Однако птичка вцепилась в ветку крохотными коготками, прижала своё тельце вниз, словно придавая себе обтекаемую форму. Когда порыв ветра стих, воробышек спокойно улетел в гнездо под крышей.

«Надо переждать стихию. Надо набраться терпения и всё разрешится. Ну ладно... Через неделю придет Арина, расспрошу у неё про брата» – подумала Эльвира и допила свой кофе.

Дочь брата, Арина закончила Иркутское медицинское училище. Сейчас она заведовала фельдшерско-акушерским пунктом в одном из пригородных посёлков Иркутска. Пару раз в месяц Арина обязательно навещала свою пожилую тётку.

– Эля, ты завтракала? Я постряпал пищу! – прозвучал мужской голос от входной двери.

– Клим, принеси кусочек, если нетрудно. Мне не хочется вставать с кресла! – попросила Эльвира Алексеевна своего мужа. Из кухни неслись аппетитные ароматы.

Она с утра делала попытки встать и походить по комнате. Снова нога отекала в районе щиколотки, любое движение причиняло боль. Возраст напоминал о себе периодически, но особенно тяжело приходилось весной. Весеннее обострение хронического артроза – давняя проблема Эльвиры. Клим знал об этом и всю домашнюю работу в это время брал на себя. Если он был дома, что случалось не часто.

Но сейчас он увлеченно стряпал на кухне под любимые им песни Высоцкого: «Лучше гор могут быть только горы, на которых никто не бывал...»

Эльвира всё же заставила себя встать с кресла и направилась в ванную. Приняла тёплый душ, сошла с эмалированного поддона, крепко держась за поручень, заботливо укрепленный сыном Тимофеем. Неторопливо расчесала свои тёмно-каштановые волосы, отметила наметившиеся мешки под глазами.

«Так, так. Что там говорил Валера, знаменитый психолог? Надо убедить свой мозг, что он находится в том возрасте, в котором ты себя ощущаешь. Забудь про паспортные данные, придумай сленг! А главное, почаще улыбайтесь себе!» – вспомнила Эльвира советы своего бывшего коллеги, доктора Хрустина.

Врач-психолог Валерий Хрустин, её бывший коллега, недавно оставил свою работу в поликлинике и стал знаменитым блогером. Он советовал своим подписчикам, как преодолевать возрастные проблемы.

«Мне тридцать пять и я красива. Не возьмет меня никакая сила!» – с улыбкой проговорила женщина своему зеркальному отражению. Настроение действительно поднялось.

Через пару минут Эльвира уже наслаждалась тёплой пиццей с сыром и помидорами.

* * *

– Да, всё дома в порядке. Все живы, здоровы. С удивлением увидела у матери на столе ваш новый роман, это притом, что она не имеет обыкновения читать художественную литературу. Я взяла почитать перед сном и не могла оторваться. Кое-какие персонажи показались мне сильно знакомыми. Настолько знакомыми, что у меня к вам созрел один вопросик! Тётя Эля! Признавайтесь! Откуда у вас информация о том, что мой отец – мне не совсем отец? А кто же мой биологический отец? Вы в своём романе пишете о каком-то командировочном инженере. Кто он? Только не делайте такие большие глаза! Я слышала, как маманька орала в трубку на свою подругу юности Наталью Денисовну за то, что та разболтала сокровенную тайну! Когда я спросила у матери, что она имела в виду, то она рявкнула на меня и сказала, что меня не касаются ее разговоры с подругами. Впрочем, у нас с матерью никогда не получалось вести диалог. Так кто же мой настоящий отец? – спрашивала племянница Арина Вяцкая, хитро сощулив свои пронзительно зелёные глаза.

– Ты поставила меня в тупик! У меня и в мыслях не было описывать вашу семью. Все мои персонажи выдуманы мной от начала до конца. Жаль, что в моих книгах ты разыскиваешь подтверждения разным своим догадкам, – ответила Эльвира Алексеевна.

– А всё же! Думаете, в детстве я не слышала разговоров по углам о загадочном моём происхождении? Евдокия Семёновна Тутова, наша соседка за стенкой, бывало, спрашивала, откуда у меня взялись такие зелёные глазки, если у мамы и папы карие? Вроде, шутя спрашивала, а всё же... А мой рост? Я возвышаюсь над своими родителями, как сосна над шиповником! – настаивала Арина.

– Почему ты задаешь мне вопросы, которые принято задавать своим родителям? В первую очередь своей матери. Если бы я даже и знала что-то, то сильно бы подумала перед тем, как вывалить на тебя правду. Тем более, зная характер Людмилы, – продолжила Эльвира.

– А, значит, есть какая-то правда, которую я не знаю? Надо сказать, что в этот раз я была сильно ограничена во времени. Дома была всего два дня. Из них своего отца трезвым я видела минут двадцать, не больше. Он пьет беспробудно. Сильно изменился внешне, исхудал, глаза какие-то ошалелые. Откуда только берет деньги на выпивку? Мать с треском выворачивает его карманы. Стала спрашивать его про здоровье, он не дал даже осмотреть его, оттолкнул меня и ушёл в свою комнату. На столе остался лежать его телефон,

он звонит, отец даже не подходит к нему. Похоже, он впал в депрессию. А ещё, тетя Эля, по – моему, он не воспринимает меня, как медика. Противится, грубит, когда я пытаюсь спросить о его здоровье. Это так обидно. Мать молчит, как обычно, погружена в себя. Иногда делает вид, что вовсе не замечает меня. Она вдруг занялась благотворительностью, с утра уезжает к какой-то столетней бабушке и ухаживает за ней. Раньше я не замечала у матери признаков альтруизма. Ей родная дочь не нужна, что говорить о чужих людях. Лучше бы ухаживала за отцом, он весь скукожился, ходит в рубашке с вытертым на шее воротником. Честно говоря, вся обстановка в доме не способствует желанию там находиться. Потому я с радостью смылась оттуда. Ладно, не хотите рассказывать, не надо. Узнаю сама со временем! Или прочитаю в ваших следующих романах! – со вздохом сказала Арина, допивая кофе и поглядывая на часы.

– Насчёт недоверия членов семьи ты права. Помню свои попытки помочь маме во время её частых головокружений. Она лишь иронически подшучивала надо мной. Если бы она согласилась дать себя осмотреть, я догадалась бы о её проблемах с кровообращением и вовремя начала лечение. Возможно, тогда та операция не закончилась бы так трагично... Что теперь об этом говорить? Нет пророка в своём отечестве, это же не моё выражение. Трудно увидеть доктора в собственной дочери. Это для пациентов мы важные и знающие, а для пап и мам на всю жизнь останемся неразумными

детьми. Так что не сердись на отца. Он любит тебя бесконечно, – сказала Эльвира, тоже вздохнув.

– Никогда не сомневалась в отцовской любви. Если кто и понимал меня, то только он. С матерью всё гораздо сложнее. Скорее я поверила бы, что она мне не родная мать... С рождения помню её холодной, равнодушной. Да и к отцу она не проявляла особой нежности. Я боялась её, как огня. Хорошо, что вы с бабушкой были рядышком. Мать вытаскивала меня за руку от вас, а потом давала затрещину по голове, уже в подъезде, чтобы никто ничего не увидел. Любимый метод её воспитания... – произнесла Арина с печалью.

– Я догадывалась, что она бьёт тебя... один раз увидела синяк на твоём плече. Стала спрашивать, но ты расплакалась и убежала. Альберт страшно рассердился, когда я предположила, что Люся действует так жёстко с дочерью. Он запретил мне даже думать... вот так и выходит, что все мы догадывались, но малодушно молчали... Прости, Аришка, мне больше нечего сказать... – Эльвира посмотрела на лицо племянницы и замолчала.

– Вы ни в чём не виноваты. Просто плохо знаете мою мать... – ответила Арина. Она задумалась и уставилась в одну точку на стене.

– Так говоришь, Людмила интересуется моими книгами? Более, чем странно... Раньше её интересовали только детективы, – тихо спросила Эльвира и подбросила пару древесных брикетов в затухающий камин.

– Сама была удивлена. Когда мы с папой говорили о ваших книгах, мать кривила рот и уверяла, что ей не интересны ваши романы, – сказала Арина. Тут резко зазвонил её смартфон. Арина вышла на кухню.

– Вадик звонил. Сейчас приедет за мной, – радостно сообщила она, положив телефон в сумочку.

Слушая племянницу, Эльвира Алексеевна начинала догадываться, в чём причина молчания брата. Действительно, в одном из своих романов о семейных драмах она описывала историю обманутого мужа, всю жизнь воспитывающего чужую дочь. А в конце романа выясняется, что это дочь рождена не от него, а в результате кратковременного романа его жены с красивым и страстным инженером-проектировщиком. Эта история пришла к ней во сне. Впрочем, назвать эту историю необычайной тоже нельзя. Такие истории стары, как мир. По утверждениям генетиков, почти тридцать процентов мужчин не подозревают о том, что воспитывают генетически чужих детей.

Её сны возникали из странного цветного тумана, который обычно предшествует её засыпанию. Синие, фиолетовые и красные всполохи, напоминающие северное сияние. Сначала в этом тумане трудно было разобрать что-либо, а потом из него отчётливо выходят её будущие персонажи со своим определенным характером и диктуют ей повороты сюжета.

Иногда персонажи снились ей во сне в разных ситуациях, демонстрируя свой характер, часто отличный от перво-

начально задуманного ею.

Самой Эльвире никогда не пришло бы в голову, что её вялая бесцветная невестка Люся, почти не вылезающая из дома, способна на адюльтер. Но по словам Арины, Люся всё же вылезает из дома и живёт какой-то своей жизнью.

Теперь Эльвира смотрела на узкое белоснежное лицо Арины, ее тонкие черные брови и ясные нефритовые глаза и недоумевала, отчего эта мысль сразу не пришла ей на ум. Яснее ясного, что эта высокая хрупкая красавица, подобная фарфоровой статуэтке, совсем не напоминала её брата, невысокого и скуластого. Не напоминала она и свою мужеподобную мать.

– Теперь я понимаю, почему мать так болезненно реагировала на вопросы по поводу цвета моих глаз и высокого роста. Все в нашем роду маленькие и кареглазые. Проницательная Евдокия Семёновна вошла у матери в круг неприкасаемых, она обегает её за версту, бедная бабушка так и не поняла почему. А может, поняла... Но самое удивительное, что группа крови у меня третья, резус-отрицательная. Уже на третьем курсе я выяснила, что у родителей с первой группой крови и положительным резусом не может родиться потомство с третьей группой и отрицательным резусом! Так кто же этот загадочный инженер? Мать поджимает свои губы и молчит, как партизан. Уж мне – то по секрету скажите, тётя Эля! – настойчиво продолжала Арина, выходя из кухни с кружкой горячего кофе.

– Аришка, милая, не знаю я никакого инженера! Сама иногда не понимаю, откуда ко мне приходит эта информация.... Ведь это не первый случай, когда я словно разоряю старое осиное гнездо и оттуда вылетает рой жалящих ос! Жалят в первую очередь меня, а уж после всех остальных. Это не зависит от моего желания, поверь! На прошлой конференции по моему первому роману, одна читательница пыталась меня, почему я рассказала всему свету её семейный секрет об усыновлении ребёнка. Это притом, что эту женщину я видела впервые и живёт она за три тысячи километров от меня. Такова доля несчастной писательницы! Правду напишешь – виновата, сочинишь своё – опять виновата! Лучше расскажи, как твоя личная девичья жизнь! Не созрела ещё мысль о замужестве? – ответила озадаченная Эльвира Алексеевна.

– Понятно! Хотите всё списать на безудержную писательскую фантазию! – разочарованно протянула Арина.

– О замужестве пока не идёт речи. Кому нужна жена, которая уходит в семь утра и приползает едва живая в одиннадцать вечера, после чего падает в кровать и не реагирует на мужские прикосновения? – добавила племянница, помолчав.

– А ты не пробовала брать меньше ночных дежурств? У тебя долги? Могла бы сказать... Ты знаешь, что всегда можешь рассчитывать на мою помощь, – сказала Эльвира.

– Тётя, спасибо, конечно, но вы и так помогли мне во вре-

мя учёбы. А ночные дежурства... А кто меня спрашивает, сколько смен я хочу брать? Особенно сейчас, когда половина мужского состава, хирурги, ортопеды и урологи демобилизованы! Всюду аврал и нехватка кадров. А то вы не знаете! Но не думайте, что я жаловаться приехала! Свою работу я люблю! – воскликнула Арина.

– В любом случае, спасибо, что нашла время для своей старой тётки! – Эльвира подошла к племяннице и обняла её. Они с Ариной с полуслова понимали друг друга, цenia искренность в своих отношениях.

Глава 2

В Январске, городе их детства и юности, Эльвира с матерью и младшим братом Альбертом жили в просторной трехкомнатной квартире на третьем этаже панельной пятиэтажки. Квартиру выделили их отцу Алексею Владимировичу Вяцкому, заслуженному врачу СССР, главному врачу военного госпиталя.

Отец скончался от инфаркта, когда Эльвире исполнилось шесть лет, а Альберту – четыре года. Алексей Владимирович был старше своей жены на тридцать лет. Он скончался в возрасте пятидесяти пяти лет, оставив молодую двадцатипятилетнюю жену с двумя детьми.

Эльвира помнила отца краткими фрагментами их счастливой жизни в полном семейном составе. Помнила их последний семейный поход в парк. Она бежит за отцом, который одет в кремовую шелковую рубашку, мама в крепдешиновом зелёном платье с пышными оборками, тонкая грациозная. Брат Бертик в синем костюмчике и беретике. Отец несёт его на руках, на голове брата колыхаются редкие светлые волосики.

Когда однажды мама спросила, помнит ли Эльвира похороны отца, то она честно ответила: ничего не помнит.

Её воспоминания были похожи на пёстрый калейдоскоп картинок: начищенные сапоги отца, пахнущие скипидаром,

плечи отца в жесткой шинели, на которых сидела маленькая Эля, запах шоколадных конфет, которые отец радостно разворачивал и угощал их с братом, отцовская щетина, восхитительно пахнувшая одеколоном.

Но момента прощания с отцом Эльвира не помнила.

* * *

После женитьбы на соседке Людмиле Векушиной брат Альберт переехал к ней в квартиру, расположенную на первом этаже их подъезда. У них родилась девочка. Эльвира тогда была не замужем, она часто прибегала к брату понянчить крошечную племянницу. Она гуляла с ней по улице, водила в парк, носила девочку на своей спине, когда та уставала шагать маленькими ножками по асфальту. Подростая Арина охотно оставалась ночевать у бабушки, где она тотчас становилась центром внимания. Бабушка и тётка исполняли все её детские желания.

После окончания медицинского института Эльвира вышла замуж за Клима Аргунова и родила сына Тимофея. Аринка с радостью играла с Тимошей по вечерам. В шумной говорливой семье Вяцких-Аргуновых девочке нравилось.

Став школьницей, Арина прибегала к бабушке и тётке в выходные дни и оставалась у Аргуновых с утра до вечера. Пока за ней не приходила рассерженная Людмила и вела огорченную девочку домой.

– Мёдом тебе здесь намазано? Надоела, небось, своей тётке пуще горькой редьки! – ворчала Людмила. Арина шмыгала носом, но строгой матери не перечила. А назавтра снова прибежала в бабушкину квартиру.

Эльвире племянница никогда не надоедала, напротив она любила сидеть рядышком с Ариной и вместе шутливо комментировать какой-нибудь сюжет нового фильма. Будучи подростком, Арина выдавала такие глубокомысленные заключения по поводу взаимоотношений мужчин и женщин, что Эльвира восхищалась, смеялась и удивлялась одновременно. Сын Тимофей с иронией смотрел на них и улыбался. Он был дружен со своей двоюродной сестрой и не возражал, когда хозяйственная Арина кормила его блинчиками собственного приготовления. Потому что сама Эльвира часто до позднего вечера была на работе.

* * *

До того, как приступить к написанию своих женских романов, Эльвира работала участковым терапевтом в районной поликлинике. После двадцати лет непрерывного медицинского стажа, Эльвира вдруг поняла, что уже не любит свою работу. Для эмоционального выгорания, о котором часто твердили её более опытные коллеги, было слишком рано.

Для кардинальной смены профессии, которой уже отдано много лет, было слишком поздно.

Эльвира продолжала работать в своей поликлинике, но всё чаще испытывала чувство вины перед своими пациентами, обращавшимися к ней с животрепещущими вопросами. Потому что, все видели в ней грамотного и внимательного специалиста, несомненно, любящего своё дело.

Разве придёт в голову больному, что состояние его здоровья не интересует врача, к которому он обратился за помощью. Мысль об этом подрывает сами основы врачебной профессии. Поэтому Эльвира каждое утро заставляла себя идти на работу. Своими сомнениями в правильности выбранной профессии Эльвира ни с кем не делилась.

По вечерам она с улыбкой наблюдала, как Арина с Тимошей играют «в больницу». Арина ставила брату «уколычики» пластмассовым шприцом и засовывала игрушечный градусник ему под мышки. Тим послушно открывал рот и позволял двоюродной сестре рассматривать его горло. Арина делала серьезное личико и что-то записывала в маленький блокнотик, копируя свою тетку.

Когда Арина окончила среднюю школу, она захотела поступить в медицинский институт. Но дважды не смогла осилить высокие вступительные баллы. Несмотря на некоторую дискриминацию врачебной профессии, конкурс в медицинский институт был большим. Арина сдала экзамены в медицинское училище и была зачислена на бюджетное место. Она всегда гордилась своей тётей и стремилась подражать ей.

Иногда Людмила, ее мать злилась на то, что сестра му-

жа пользовалась таким авторитетом у её дочери. Но, как обычно, Людмила не высказывала вслух свои мысли. Злость невестки Эльвира считывала с её мрачного напряжённого лица.

* * *

После того, как племянница уехала домой, где она жила со своим сердечным другом Вадимом Катаевым, Эльвира Алексеевна удобно устроилась в любимом кресле и задремала. Проснувшись, она разожгла потухший камин и снова села, погрузившись в размышления. Делать ничего не хотелось, её снова одолела сладостная дремота.

Эльвире недавно исполнилось шестьдесят пять лет, она имела полное право жить в своё удовольствие.

На стене висел огромный телевизор, включенный на слабый звук. Шла программа о знаменитостях, покинувших Россию после начала военной операции. Первыми сбежали самые богатые, обласканные властями, увешанные орденами и званиями. Но их бегство не напоминало отъезд интеллигенции в двадцатых годах прошлого века, по указанию Владимира Ленина, когда уезжающим писателям, поэтам и художникам разрешалось взять на «философский пароход» личные вещи и пару белья. Нынешние «крысы» тащили с собой целые контейнеры добра, нажитого в России, которую они тут же начали обливать грязью, едва распаковав вещи в

своих заокеанских особняках, заранее купленных на деньги добродушных российских зрителей.

Эльвира вздохнула и подумала, что чувство родины должно передаваться генетически. Как гипертония и ранний инфаркт. Если у родителей не было чувства причастности к месту рождения, то откуда ему взяться у их детей и внуков. «Перекасти-поле» – так звали в старину тех, кто всю жизнь ищет себе место на земле и умирает на чужбине.

Окончательно проснувшись, Эльвира включила новенький планшет, подаренный ей производственным объединением «Успех», где проходила презентация её романа «Случай в дороге».

Роман повествует о жизни заурядной сотрудницы одного завода, которая в зрелом возрасте встречает мужчину своей мечты. Не слишком, прямо сказать, уникальный сюжет, однако, он вызвал интерес читающих женщин. Её страничка в социальной сети была полна вопросов от читательниц, половина из которых ясно увидела в героине романа свою подробную копию и с гордостью отмечали, что с детства догадывались о своей уникальности. Вторая половина усматривала себя в отрицательных персонажах и интересовалась, откуда писательнице известны такие детали их жизни, тщательно скрываемые от посторонних глаз.

Если бы эти читательницы изучили теорию Вернадского о существовании информационной сферы, то такие вопросы у них бы не возникали. Разумеется, Эльвира не усматривала у

себя уникальные сверхспособности, подобно Елене Блаватской, которой диктовали тексты высшие божества. Но фраза из Библии о том, что «нет и не будет ничего нового под этим солнцем», казалась ей вполне реальной.

Каждому человеку кажется, что то, что случается с ним, не случилось ещё ни с одним человеком. Наступившая беда кажется самой страшной из всех бед окружающих и радостный момент в его жизни видится неповторимым.

Но перешагнув за предел шестого десятка лет, Эльвира уже понимала: несмотря на определенную уникальность каждой человеческой судьбы, есть много похожих моментов в людских судьбах.

* * *

Историю странной женитьбы брата Альберта Эльвира наблюдала с некоторым удивлением. Однажды, выглянув из окна своей квартиры, расположенной на третьем этаже, она увидела неуклюжую женскую фигуру рядом с изящным Альбертом. Брат шагал своей легкой походкой, а женщина семенила, чуть приотстав, слегка припадая на правую ногу. Альберт – прямой, стройный, невысокий, но пропорционально сложенный, красиво двигался, высоко подняв голову. Он много лет учился в танцевальной студии и приобрел хорошую пластику движений. Женщина, шедшая рядом, стала что-то говорить ему, забегая вперёд и заглядывая в глаза.

Если бы Эльвира не знала, что Альберт влюблён в Оленьку Гольштейн, солистку балетной труппы городского театра, то подумала бы, что эта странная женщина хорошо знакома с Альбертом. Но Эльвира хорошо знала вкусы своего брата. Он выбирал самых красивых и стройных.

Через неделю, на день рождения мамы, Эльвира поинтересовалась: Что за чудо в драной цыгейковой шубе преследовало тебя в прошлую пятницу?

– Ой, только маме не говори! Это наша новая соседка Люся Векушина. Ей взбрело в голову пригласить меня в гости. О чём, спрашивается, мне говорить с этим уродцем? Элька, забудь, не стоит внимания! – отмахнулся Альберт и встал, чтобы произнести тост в честь мамы.

Они надолго забыли про этот разговор, пока в один из дней Альберт сел на диван рядом с сестрой и произнес: Эль! Только не удивляйся тому, что я скажу! Короче, Люська беременна от меня!

Эльвира в это время в десятый раз смотрела фильм «Красотка» с Джулией Робертс в главной роли. До неё не сразу дошёл смысл сказанного.

– Что? Повтори! Я не ослышалась? Ты и Люся? Каким образом? – Эльвира не находила слов.

Альберт, запинаясь, рассказал, что в один из вечеров Людмила Векушина подкараулила его у своих дверей первого этажа и попросила зайти минут на десять. Оказалось, что у неё день рождения, она сидит в одиночестве и даже не мо-

жет открыть бутылку шампанского. Сил её девичьих не хватает. Девушка жалостливо посмотрела на Альберта и попросила его соседской помощи.

– Эль, понимаешь, она тогда так жалко выглядела. Ручки тоненькие, хромает на одну ногу, глаза на мокром месте. Мне стало жаль её, и я зашёл на пять минут. А вышел только под утро. Сам не понимаю, как меня сморило в сон после пары бокалов. Наверное, от усталости. Ведь я в тот вечер помогал в клубе разгружать фургон с музыкальной аппаратурой. Но это ещё не всё. Люся сказала, что в ту ночь я приставал к ней. Она уступила моим притязаниям, потому что я давно ей нравлюсь. Самое ужасное, что я лишил её девственности. Я своими глазами видел эти ужасные кровавистые пятна на простыни. Эль, что теперь делать? – Альберт вопросительно посмотрел на старшую сестру.

– Ой, братец, про девственность ты загнул! Сколько лет этой Люсе? И ты поверил, что ты – её первый мужчина? Не знаешь, что существует множество способов имитировать следы так называемой «девственной крови»? Ну, ладно, Бертик, не паникуй! Даже, если допустить, что она беременна, зачем ей рожать ребёнка без отца? Давай рассуждать здраво. У неё, я слышала, недавно мать умерла. Кто будет помогать с ребёнком сидеть? Она где-нибудь работает твоя Люся? – спросила Эльвира у брата.

– Она работает лаборанткой на нашем лесном комплексе. Вроде, окончила медучилище. Но не в этом дело. Эль, она

заявила, что будет рожать! – ответил Альберт, потупив глаза.

– Как тебя угораздило, братишка, переспать с ней? А как же твоя обожаемая Оленька? – снова спросила Эльвира.

– Никак. Оля отказалась выслушать меня. Ей кто-то уже сообщил о том, что я нажил ребёночка с соседкой, – сказал Альберт. Эльвира в ужасе уставилась на брата. Её переполняла досада, возмущение и злость на слабовольного брата, зачеркнувшего свою счастливую историю с Олей из-за банальной похотливости.

Вскоре после этого разговора Эльвира уехала продолжать свою учебу в медицинском институте и её захватила студенческая разнообразная активная жизнь. Через пару месяцев ей пришло письмо от Альберта, в котором он жалуется, что Люся преследует его повсюду и умоляет жениться на ней.

– Что ты ноешь, Бертик? Собирайся и беги из Январска! Ты с отличием закончил институт культуры! Ты мечтал попасть в московскую студию танца! Вот и сделай это! – кричала Эльвира в трубку брату, заказав междугородние переговоры. Но Альберт мямлил что-то о предстоящем назначении его директором городского дома культуры с приличным окладом. Эльвира не выдержала, бросила трубку.

* * *

Когда Эльвира приехала домой, мама с грустью в голосе сообщила, что Альберт зарегистрировал свой брак с Людми-

лой Векушиной и переехал жить в её однокомнатную квартиру на первом этаже в их доме.

– Мама, в конце концов, что такого произошло? Альберт сделал свой выбор, значит, нам надо принять и смириться! – сказала Эльвира, пытаясь утешить маму.

– Ах, если бы! Эта женщина намного старше Алика! Но даже дело не в этом! Она хитра, лжива и лицемерна! И потом, Алик не любит Людмилу, он страдает по Ольге! Я же вижу! – возразила мама.

– Какой страдалец, однако! Так страдает, что запросто упал в постель с другой! – ответила Эльвира со злостью.

А через три месяца Люся родила здоровую красивую девочку, которой дала имя Арина. Арина Альбертовна Вяцкая.

После окончания учёбы Эльвира с мужем какое-то время жили вместе с мамой. После работы она забежала к брату и с удовольствием возилась с племянницей.

В ней возник материнский инстинкт, который рос, разрастался и увеличивался. Пока не реализовался спустя два года.

Эльвира сама стала мамой крепыша весом в четыре килограмма.

* * *

В 1988 году Клим Аргунова, мужа Эльвиры, пригласили на строительство нового ледового дворца в Иркутске. Ему вне очереди выделили двухкомнатную квартиру. Клим окон-

чил Красноярский строительный институт и имел практический опыт в строительстве спортивных сооружений в Красноярске. Они переехали без раздумий. Всё же областной центр имеет неоспоримые возможности в плане жизненных перспектив и развития ребёнка. А это волновало Эльвиру в первую очередь.

Они поселились в пятиэтажке почти в центре Иркутска. Тимофей пошёл в детский садик, Эльвира устроилась в городскую больницу возле дома.

В родной Январск Эльвира приезжала редко, только во время редких отпусков. Молодой семье не хватало денег. Клим пропадал в горных экспедициях, довольствуясь только самым необходимым. Он мог годами ходить в старой прожженной солнцем куртке и есть сухой суп из пакетов. Эльвире же для комфортного существования было не достаточно питаться кое-как и одеваться в дешевое тряпье на китайском рынке. Она днем принимала больных, ночью дежурила в отделении. Зато щеголяла в норковом полушубке и финских высоких сапогах.

В последний раз Эльвира приезжала в Январск на похороны мамы.

Моложавая активная Лилия Антоновна Вяцкая сама несколько раз приезжала в Иркутск увидеться с дочерью и внуком. Она никогда не жаловалась на здоровье, успевала посмотреть художественные выставки и сходить с внуком в драматический театр. Её короткое пребывание в Иркутске

радовало Эльвиру и освобождало от многих проблем. Лилия Антоновна готовила вкусный ужин из свежих продуктов, купленных на рынке, вымывала до блеска квартиру и проверяла дневник Тимофея.

– Эх, доченька! Какой дорогой ценой ты платишь за эти тряпки! Пройдет несколько лет такой безумной гонки и ты не сможешь видеть себя в зеркале! – говорила Лилия Антоновна, вглядываясь в измученное лицо дочери.

– Знаю, знаю... Но как остановиться? Уже не могу заниматься планку. Вот подрастёт Тим, брошу дежурства, оставлю только дневные приёмы... – заверяла Эльвира, набрасываясь на жаркое из говядины, поставленное заботливой мамой.

– Стремление всегда быть на высоте – это в тебе от отца. Он так заботился о том, чтобы понравиться окружающим. Боялся, что о нем могут плохо подумать, загонял себя в стальные тиски. Но это его и сгубило... – с грустью отозвалась Лилия Антоновна.

– Мамочка, не волнуйся за меня. Я – сильная! – горделиво ответила Эльвира.

Спустя годы, она будет вспоминать с горечью о том, что тогда даже не спрашивала мать о ее самочувствии. Никогда жизнерадостная Лилия Антоновна не давала ей повода печалиться.

Когда ей исполнилось 58 лет, мать легла в районную больницу на плановую операцию по поводу иссечения небольшой язвы кишечника. Во время операции её сердце остано-

ВИЛОСЬ.

* * *

– Эль, ты не против, если мы переселимся в мамину квартиру? – спросил Эльвиру Альберт после поминок. Все посторонние разошлись, они вдвоём горестно смотрели на мамину фотографию с черной полосой.

– Делайте, как вам удобно, – тихо произнесла Эльвира. В этот момент у неё не было сил думать и говорить о материальном. Шок от неожиданной утраты парализовал тело и дух.

Да и делить было нечего. О разделе квартиры, в которой они с братом выросли, Эльвира не хотела слышать. С её точки зрения, это выглядело кощунством – продать родительскую квартиру. Книжные шкафы с любимыми маминими книгами, занавески из гобелена, подшитые маминими руками, картины на стенах, вышитые маминой рукой – это то, что следует хранить и лелеять. Также, как трепетно хранила мама их детские рисунки и тетрадки с первыми словами. В том, что её брату мамы вещи были так же дороги, Эльвира не сомневалась.

Лилия Антоновна, проработав в должности директора школы двадцать пять лет, не заработала ни дорогой мебели, ни золотых украшений, ни денежных вкладов в сбербанке. Администрация школы взяла на себя все расходы по погре-

бению своего бессменного директора.

– Мы оставим тебе нашу бывшую детскую комнату, чтобы ты приезжала туда, когда тебе захочется. Там будет всё, как при маме. Люся сказала, что двух комнат нам будет достаточно, – заверил Альберт, провожая сестру на вокзал.

Через полгода практичная Людмила сдала свою однокомнатную квартиру одной знакомой.

* * *

– Вам-то что за дело, куда я деваю свои таблетки? Можно подумать, медики их не продают втридорога! Не слепая, вижу в телевизоре, что про вас, апидов, показывают! – Фрида Игнатьевна выпучивала свои бесцветные глаза на Эльвиру и кричала на весь кабинет.

В прошлом месяце Фрида буквально вырвала у Эльвиры льготные рецепты на усиленную дозировку снотворного. Старушка утверждала, что все болезни у неё от бессонницы. Через две недели она снова пришла за льготными рецептами. Медсестра Зиночка Храмцова несколько раз видела, как Фрида продаёт таблетки прямо в торговом зале центральной аптеки. Учитывая психотип Фриды Игнатьевны, бессонница её никогда не мучает. Свою инвалидность второй группы Фрида выбила из врачей привычным путём угроз, скандалов и жалоб в департамент здравоохранения. Эльвире не хочется скандалить со старушкой, она вздыхает и выписывает ей

пару упаковок феназепама.

– Опять пачки по семьдесят восемь рублей? А Василию Цакоркину моему соседу, значит, по триста пятьдесят? Это что же, он подкупил вас? То-то я смотрю шубейка-то норковая у вас на вешалке болтается! – снова воззрилась на врача Фрида, разглядев рецепты.

– Вы свободны, Фрида Игнатьевна! Зина, зови следующе-го! – железным голосом произносит Эльвира. Иначе Фриду не остановить.

– Сообщу, куда следует! Попомните моё слово! – кричит Фрида, уже за дверью.

Так называемая монетизация льгот вымотала нервы всему медицинскому персоналу. Бюджет на покупку льготных лекарств связывал врача по рукам и ногам. С одной стороны заседали пациенты, стремящиеся «выбрать» всё, что им положено, не зависимо от потребности. С другой стороны – представители аптек на планёрках взывали к совести. Рецепты, лекарства по которым не выдано, скапливались сотнями в недрах аптечных складов, поскольку уже к середине второго месяца квартальная бюджетная заявка исчерпывала себя. Посмотрев по телевизору очередную рекламу на препарат от всех болезней в красочной упаковке, пациенты бегом неслись в поликлинику и требовали это чудодейственное лекарство для себя. Разумеется, бесплатно.

На протяжении нескольких десятков лет народ видел на аптечных прилавках копеечные лекарства и вдруг с аптеч-

ными ценами случилось невероятное.

Мало кто пытался разобраться в причинах роста цен. Жертвами людского гнева становились те, кто лицом к лицу встречал пациента.

Народное возмущение умело подогревали журналисты, убеждая зрителей, что между врачами и аптекарями зреет некий коварный заговор, целью которого – наглый обман простых посетителей. На экране замелькали каменные особняки аптечных магнатов и владельцев платных клиник.

В поликлиниках вспыхивали скандалы, в аптеки вызывали репортёров с камерами и показывали пальцем на женщин в белых халатах, в ужасе снующих возле прилавков в надежде успокоить нервную орущую толпу.

Однажды на программу центрального телевидения побился представитель от ассоциации аптек, Артём Кузнецов, худощавый паренёк в роговых очках. Он хотел обратиться к залу и рассказать о том, что в неудержимом росте аптечных цен виноваты вовсе не сами аптеки и никакого заговора врачей и фармацевтов не существует. После первых же фраз, паренька быстро вывели из зала под белы ручки.

– Но я захватил с собой все выкладки в цифрах и номера постановлений! Народ должен знать правду! – гневно обратился Артём к ведущему прямого эфира, вышедшему в фойе.

– Ваше выступление – не формат! Мы организовали этот эфир не для того, чтобы выяснять причины роста цен! – за-

явил высокий статный ведущий представителю аптек.

– А для чего? – оторопел парень.

– Для того, чтобы народец выпустил пар и немножко поорал на вас, аптекарей! Небось, не растаете, не баре! – от-
ветствовал ведущий и царственно удалился в недра зала, где
разоблачался очередной аптечно – врачебный заговор.

Охранники схватили паренька за руки и вежливо вывели
за пределы помещения.

* * *

– Эй, тётка, хорош над бабкой стоять! Быстро пошла со
мною! Там в коридоре пацан кровью истекает, а она здесь,
оказывается, бабку откачивает! Кому она нужна эта бабка? –
рослый накаченный парень грубо схватил Эльвиру за рукав
халата и потащил к каталке, на которой лежал молодой па-
рень с огнестрельным ранением. Эльвира хотела возмутить-
ся, но свирепое лицо парня, буквально тащившего её по ко-
ридору, заставило замолчать. Недавно убили Настю Пряш-
никову, её коллегу во время выезда в составе бригады скорой
помощи. Подобных случаев по всей стране насчитывалось
сотни. Давно кануло в лету почтительное отношение паци-
ентов и их родственников к докторам.

Под строгим наблюдением толпы шумевших «братков»
Эльвира произвела нужные манипуляции, остановила кро-
вотечение, сделала перевязку.

– На, тётка, держи! Заработала! Отвечаешь за Кольку головой, усекла? – «рослый» небрежно сунул в карман Эльвирино халата пачку денежных купюр. Толпа нетрезвых парней, гогоча, удалилась из приёмного покоя.

– Кто пустил их сюда? На посту охрана! – тихо спросила Эльвира медсестру Инну Карловну, уткнувшуюся в журнал учёта поступивших пациентов.

– На посту тётка Надя сидит, тёща нашего главнюка! Она с места не сдвинется! Из мужиков один наш тщедушный Петрович, его ткни, он упадёт! Кто их задержит? Вы о чём, Эльвира Алексеевна? – отозвалась медсестра, предварительно оглянувшись на дверь.

– Иван Николаевич! Всё! Увольняюсь! Не могу! Ненавижу всех пациентов, до единого! – Эльвира положила на стол своё заявление на увольнение в связи с выходом на пенсию.

– Так, так... А где ваше гражданское самосознание? Увольняться, когда у нас не закрыты вакансии по терапевтам? Скажите, как я должен закрывать график ночных дежурств? Как? Да, вы отлично выглядите, никто не верит, что вы – пенсионерка! К примеру, наш реаниматолог Николай Петрович работает до сих пор, а ему скоро семьдесят два года. Я, конечно, понимаю, сейчас к нам, медикам отношение в социуме так себе... Многим досталось от неадекватных пациентов. Но именно вас, Эльвира Алексеевна никто не подверг телесным повреждениям. Нельзя в нашей профессии быть настолько щепетильной. Вон, в соседней области, на-

шу коллегу убили во время посещения больного на дому... Что касается того случая... Нет, я совсем не одобряю грубияна, который оскорбил вас. Мы же тот случай грубого отношения родственников больного Хрипунова расследовали. Я даже пробовал подать на них в суд. Но без результата. У нас по закону пациент имеет право высказывать врачу всё, что он думает, а врач такого права не имеет. Адвокат Хрипунова сослался на состояние аффекта у его родственника, когда он тащил вас по коридору. Дескать, он настолько переживал за жизнь брата, что переборщил с методом выражения, так сказать... Доказать, что вся эта братия была в алкогольном опьянении мы, к сожалению, не смогли... Ну, поработайте, милейшая Эльвира Алексеевна, хотя бы с годик, пока мы подыщем вам замену! – главный врач Артишников нервно размахивал листком с заявлением Эльвиры.

– Нет. Свой пенсионный стаж я выработала. Согласно закону, имею право на отдых. Простите, что ещё стою на своих ногах и не теряю сознания от чудовищной нагрузки, как это уже недавно случилось с нашим коллегой Петровичем в его семьдесят два года. И радоваться, что меня до сих пор не избили, не собираюсь! Считайте, что я начисто лишена гражданской ответственности! – твердо сказала Эльвира.

Клим, как всегда, поддержал жену.

– Проживём Элька! Видеть тяжело, какая ты приходишь с работы! Я прокормлю тебя, если ты, конечно, не станешь слишком прожорливой! – сказал Клим, узнав о решении

Эльвиры уйти из медицины.

* * *

Через год после ухода на пенсию Эльвира Аргунова написала свой первый роман «Горячее желание».

Расслабление, наступившее после напряженных врачебных будней, просто ошеломило её. Эльвира с удовольствием читала в исторических романах о том, как протекают обычные дни обычного интеллигента в русских дворянских усадьбах и английских домах. Но представить, что она будет вставать в начале девятого и пить кофе до десяти часов утра, даже не мыслила в самых фантастических грёзах.

Сначала по выходным и праздничным дням Эльвира по протекции своей приятельницы Татьяны Ланкович, владелицы аптечной сети, иногда подрабатывала в соседней аптеке дежурантом, зарабатывая почти столько же, сколько за целый месяц в поликлинике. Но вскоре поняла, что плохо владеет знанием фармакологии, теряется, когда покупатели начинают задавать вопрос о свойствах препарата. Прежде она полагала, что врач лучше провизора знает о том, как действует лекарство в организме.

Во врачебной среде было принято пренебрежительно отзывать о провизорах, называя их простыми продавцами, не смыслящими в медицине. Когда пациент говорил, что в аптеке посоветовали не принимать одновременно какие-то

препараты или пересмотреть дозировку, Эльвира презрительно усмехалась, как, впрочем, все её коллеги. Давая тем самым понять, что, дескать, понимают эти аптекари в лечебном деле. Их дело – стоять, продавать и не раскрывать рта.

Но столкнувшись на практике с аптечным ремеслом, устыдилась своего снобизма.

Увидела сотни ошибочно оформленных рецептов, наименования, корявым подчерком написанные на обрывках бумаги, взрослые дозировки, рекомендованные младенцам и много того, что вызывало её возмущение.

Ранее она была уверена, что провизоры нагло клеветают на врачей, обвиняя их в ошибках. Но каждую смену Татьяна Ланкович забирала стопки неправильно выписанных рецептов и уносила их в поликлинику для переписывания, поскольку препарат был уже выдан больному, а рецепт подлежал учёту.

– Меня, разумеется, доктора встретят без особой радости. Мало кому нравится осознавать свои промахи. Но это всё же лучше, чем слушать крики и возмущения больных, когда мы отправляем их снова к врачу. Люди принимают отказ в выдаче лекарств, как издевательство над ними. Вот сейчас бабушка принесла рецепт на обезболивающее. Она сама еле ходит, ей 76 лет, оставляет тяжелобольного деда и сидит в очереди в поликлинике за рецептом, обмирая со страха, что дед упадёт с кровати и ударится головой. Как я скажу ей: врач забыла указать шифр на рецептурном бланке, идите

снова в поликлинику? Вот и беру риск на себя: иду сама к врачу и с ним разбираемся. Привыкли, а что делать, – сказала Татьяна, деловито собирая в коробку очередные «перлы» лечащих врачей.

– Да, мы все горазды рассуждать о других профессиях. Сознаюсь, был у меня такой грех. Мне казалось, мы – доктора призваны лечить и, разумеется, достойны всяческого уважения. А какие-то там аптекари нам в подмётки не годятся. В ординаторской мы часто злословили на тему, как смеют аптекари консультировать больных, если им бы только «впарить» дорогой препарат и нажиться поскорее на людской беде, – призналась Эльвира.

– Так уж повелось. Пусть говорят. Но сегодня ты промолчала, когда пятимесячному ребёнку педиатр Кольцова выписала антибиотик в дозе, превышающей суточную в двадцать раз? Вот он, рецепт! Отпустила полностью? – спросила Татьяна, показав рецепт местного педиатра Кольцовой.

– Но ребёнок бы отравился, а хуже того, погиб бы! Как я могла промолчать и отпустить? – возмутилась Эльвира.

– Мои сотрудники тоже не убийцы, – тихо ответила Татьяна.

* * *

Через полгода Эльвира оставила попытки выучиться аптечной практике и полностью предалась только писательско-

му творчеству.

Встречаясь порой на улице со своими бывшими коллегами, уставшими, издёрганными, затравленными бесконечными отчётами и планёрками, Эльвира снисходительно и сочувственно улыбалась. Она поправилась на пять килограммов, на её лице разгладились морщинки, руки были ухожены, в руках за редким исключением – маленький клатч из мягкой кожи.

Поймав завистливый взгляд своей бывшей коллеги, Эльвира быстро прощалась и продолжала идти по своему маршруту.

Она научилась ходить. Именно ходить, а не судорожно бегать по вызовам, неизменно встречаясь с недовольными лицами больных и их родственников.

* * *

Как-то к Климу наведалься его старый друг – Илья Петрович Верман. Бывший военнослужащий в отставке, крепкий и деловой мужчина.

– В нашем селе продается хороший дом. Не новый, конечно, но сделан из кирпича, просторный, с камином. Соседи приличные, магазин рядом. Не желаете приобрести дачку? – спросил Илья за вечерним чаем.

Он много лет дружил с Климом. Они вместе увлекались туризмом, любили горные лыжи и альпинизм. Илье Петро-

вичу очень хотелось, чтобы его друг жил по соседству, он много рассказывал о красотах жизни на природе. Благодаря рассказам Ильи Петровича, Эльвира с Климом заочно знали многих жителей села.

Несколько лет назад Илья Петрович жил в другом доме и исполнял должность председателя садово-огороднического товарищества, которое находилось по другую сторону Иркута. Старожилы уважали своего председателя за честность в ведении документации и порядок, который он навёл на улицах садоводства.

Всё было хорошо, пока однажды в садоводстве не поселилась чета Лисицыных. Приехали пожилые супруги откуда-то из Бурятии. Костлявая длинная Татьяна Ивановна и низкорослый полный Нил Петрович, вздрагивающий от пронзительного голоса жены. Лицо Татьяны Ивановны с близко расположенными глазами и длинным мясистым носом напоминало то ли осьминога то ли краба. В дачном посёлке её метко прозвали Миногой.

Минога ходила по посёлку с кислой миной на лице и всем была не довольна. Асфальт положили тонким слоем, электричество дорогое, магазины расположены неудобно. Она почти сразу стала скандалиться с соседями по всяким пустякам: баня дымит не тем дымом, калитка скрипит при сильном ветре, дети шумят в ограде.

Татьяна Ивановна получала огромное наслаждение, постояв «руки в боки» и покричав на соседей. Её щеки розове-

ли, а маленькие пронзительные глаза сияли. Вскоре соседи стали уходить в дом и закрывать калитки, как только Минога выходила на «охоту». Тогда раздосадованная отсутствием источников энергетического удовольствия, она взялась за председателя.

Несмотря на своеобразную внешность, в голове у Татьяны Ивановны укоренилась мысль о собственной неотразимости. Она была уверена, что все жители мужского пола, независимо от возраста, вождедеют её. В этот список своих воображаемых поклонников она включила статного председателя садоводства.

К слову, Илья Петрович даже в возрасте шестидесяти пяти лет сохранил военную выправку. Высокий, подтянутый, с седыми тщательно подстриженными усами и густым ершиком на голове, он был хорош собой. К тому же сорок лет был счастливо женат. Его жена Вероника Михайловна, спокойная, рассудительная, в молодости особенно славилась красотой, но и в возрасте шестидесяти лет не утратила своей женской прелести. Желания посмотреть в сторону другой женщины Илья Петрович не испытывал. Любые знаки внимания со стороны женщин вежливо игнорировал.

Поэтому, когда услышал о том, что Татьяна Ивановна Лищицына рассказывает соседкам о том, как он по ночам стучит в её двери в порыве любовной горячки, был в лёгком замешательстве. Но решил, что соседки по – женски подшутили над ним. Но слухи росли.

Однажды Вероника Михайловна встретила соседку и услышала про невероятные ночные похождения своего мужа.

– Не обращай внимания, Вероника! Кто верит этой дуре? Никто. Я ведь из одного района с Лисицыными, мы с земляки. Знаю Таньку Миногу сызмальства. Она у нас в школе уборщицей работала. Также мотала нервы директору Андрею Николаевичу. Он у нас красавец был, вымахал ростом под метр девяносто. Уважительный, умный. Втемяшилось Таньке в мозг, что он влюблён в неё. Ну, дура, что с неё возьмёшь! Посмотри на Нила, он мужичок с ноготок, а бабе рослого гусара подай! Вот умом и рехнулась бабёнка! Пришлось Андрею Николаевичу перейти в другую школу! – принялась успокаивать Веронику Евдокия Евсеевна Морозова, для всех баба Дуся.

Разумеется, соседки только потешались над Миногой. Её отталкивающая внешность не подразумевала ничего даже отдаленно напоминающего любовный роман. Да ещё с таким бравым мужчиной, как их председатель.

Но быть объектом шуток Ильи Петрович не привык. Да и страдания Вероники, которую соседи провожали сочувственным взглядом, не оставляли его равнодушным. Он решил выяснить природу этого патологического явления по имени Татьяна Ивановна Лисицына.

Ясность внёс Яков Васильевич Федосеев, врач-психиатр и давний приятель Ильи Петровича.

– Пробил её по нашим базам. Всё печально. Психические отклонения в трёх поколениях. Её бабушка страдала шизофренией. Её мать Марфа Савельевна сейчас находится на лечении в психоневрологическом диспансере. Кстати, Татьяна Ивановна лишила её дееспособности и сдала на принудительное лечение сразу, став её опекуном. Написала заявление, что Марфа Савельевна угрожает их поджечь и прочие ужасы. К слову, это произошло сразу, как только старушка получила жилищный сертификат, как пострадавшая от наводнения в Тулунском районе. На этот сертификат Лисицыны и купили дом в вашем садоводстве.

– А мне что делать? Эта уродина летит ко мне, как только я выйду из дома. Начинает орать и скандалиться. А мне с людьми надо работать! Почему её никто не определит в психушку? – воскликнул озадаченный Илья Петрович.

– Илья, кому она нужна эта старушенция? Диспансеры переполнены, бюджет ограничен. Чтобы определить больного в диспансер, надо чтобы его родственники сильно постарались. Нынче отпускают на вольные хлеба всех душевнобольных, кто не представляет реальной опасности для окружающих. Такова суровая правда, – ответил Яков Васильевич, вздохнув.

Через пару месяцев Илья Петрович не выдержал, сложил с себя полномочия председателя и решил переехать в другую часть поселка.

Пост председателя, как и ожидалось, попал в алчные руки

толстенького Нила Петровича Лисицына. Тот активно провёл избирательную кампанию, заверив жителей, что имеет руководящий опыт и знает толк в ведении документации. Поскольку быть председателем мало кто хотел, жители проголосовали за Нила Петровича.

Став председателем, Минога странно успокоилась, переключившись на управление делами садоводства, что навело некоторых дачников на мысль, что поведение Татьяны Ивановны носит вполне целенаправленный характер. Прежний бухгалтер был изгнан, учёт денежных средств Минога взяла на себя. Отчитываться перед жителями о своих расходах она посчитала излишним. Обложив жителей поселка непомерными целевыми поборами, Минога торжественно шествовала по улицам посёлка, выискивая нельзя ли ещё кого-нибудь оштрафовать.

Илья Петрович не без сожаления наблюдал, как чистенькие улицы дачного поселка зарастают мусором, приходит в негодность система уличного освещения, над которой он столько месяцев трудился, как детская площадка превращается в стихийную парковку частных автомобилей.

Зато покосившийся деревянный домик Лисицыных преобразился: его отделали дорогими фасадными панелями, а вместо дырявого забора появился новый металлический с коваными элементами, которые засияли на солнце золотыми вензелями.

Жителям дач стало известно, что Нил Петрович продал

часть общей земли, а другую часть сдал в аренду сотовой компании, которая начала воздвигать на этом участке высокую сотовую вышку.

Какой бы придурковатой Минога не слыла, в её действиях существовала определённая последовательность. Причина, по которой Миноге всё сходит с рук скоро стала известна. С успехом выжив своих соседей напротив, Минога стала ещё самоувереннее и наглее. Оказалось, новой владелицей соседского дома стала её дочь Ниночка Букина. В короткие сроки деревянный одноэтажный дом стал кирпичным двухэтажным. Выстроенный вокруг него высокий кованый забор соперничал по красоте с забором родителей. А кому посчастливилось побывать внутри, поражались красоте итальянской мебели и широкой лестнице из массива дуба. Один только кухонный гарнитур Букиных стоил полмиллиона рублей. Любопытные соседи, изнемогавшие под вопросом: кому нынче под силу такие финансовые вложения в недвижимость, вскоре всё выяснили.

Муж Ниночки, Сергей Букин занимал должность старшего следователя в управлении внутренних дел. Каждый, кто видел Сергея Трофимовича в кабинете, не сомневался в том, что этот служитель закона – воплощенная честность. Скромный пиджак, заношенные джинсы свидетельствовали о неподкупности следователя Букина. Однако доверенные лица знали, что если на карту некой Евлампии Васильевны К. перечислить полмиллиона рублей, то следствие пойдет по

другому сюжету. Изменится мера пресечения с содержания под стражей на домашний режим, а то и просто на подписку о невыезде, смягчится статья, съёжится срок до минимума.

К слову, сама владелица карты престарелая Евлампия Васильевна Кукушкина, приходившаяся Сергею Трофимовичу двоюродной тёткой, не подозревала о своих многочисленных спонсорах. Она скромно проживала в доме своей племянницы на небольшую пенсию.

Дочь Миноги, Ниночка Букина, хорошенькая голубоглазая блондинка, ничем не похожая на своих родителей, работала в миграционной службе. Без всякого сомнения, она представляла особую ценность среди сотрудников. К своим тридцати годам Ниночка заслужила звание капитана и Минога с гордостью говорила соседям, что скоро её дочь станет майором.

Иногда Ниночка в силу своей занятости задерживалась на работе допоздна. Тогда её подвозил на личной машине сам начальник, Григорий Иванович, солидный полный мужчина почтенного возраста.

В машине Ниночка нежно прощалась со своим начальником, не обращая внимания на силуэт своего молчаливого мужа, маячившего в окне. Это вызывало у соседей разные размышления о характере их отношений.

Удрученные жители, наконец сообразившие, почему их жалобы на председателя в разные инстанции возвращаются с отписками, снова обратились к Илье Петровичу и стали

умолять вернуться в прежнюю должность. Но Илья Петрович наотрез отказался.

Он уже присмотрел себе дом в центре села и переехал туда, навсегда вычеркнув из своей памяти лик безумной Миноги.

Месяц назад Илья Петрович узнал, что на его улице продаётся дом. Вполне крепкий и просторный для двух человек. Он стал убеждать Климана купить этот дом.

– Элька, может, подумаем? В этой клетушке я места себе не нахожу! – взглянул на жену озадаченный Климан. Он вышел на пенсию годом позже Эльвиры и давно мечтал жить за городом. В квартире он скучал, сбегая на рыбалку или в походы по горным тропам.

Эльвира пожала плечами. Она любила старый Иркутск с его деревянными улочками, со старинными домами, окна которых достают до земли, свою небольшую квартиру, где всё лежало под рукой. Куда мог по дороге с работы заехать сын Тимофей, чтобы поболтать с матерью. Куда часто забегали «на огонёк» её приятельницы.

– Думайте недолго! Такой домик сразу присмотрят! Адрес красивый: улица Цветочная! А, как звучит! Соглашайтесь, а я попробую сторговаться с хозяйкой! – сказал Илья Петрович, уезжая от них на своём чёрном внедорожнике.

Вскоре Аргуновы оформили сделку на свой загородный дом. Он находился в новом строящемся районе села, появившемся на месте бывших колхозных полей. В отличие от старой части селения, здесь были широкие прямые улицы, добротные дома стояли как по струнке в окружении обильно цветущей сирени, раскидистых рябин и изумрудной зелени хвойных деревьев.

Красота села поразила Эльвиру.

– Сдаюсь! Берём! Правда, не уверена, что у меня будет время для дачных хлопот. Но зато я буду радоваться за тебя! – сказала Эльвира, понимая, что Климу очень хочется купить этот дом.

Сначала на дачу ездил один Клим. Он что-то ремонтировал, мастерил в гараже, пил чай на открытой веранде и часами любовался природой. Эльвира занималась новой книгой и отказывалась от поездки на дачу, ссылаясь на занятость.

– Давай, Элька, съездим на нашу фазенду! Хотя бы посмотришь на нашу дачу! Кое-что я уже переделал. Там твоё давление быстро придёт в норму! – предложил Клим, когда Эльвира лежала на диване после очередного гипертонического криза. Это было прошлой зимой.

С тех пор Эльвира ни разу не испытывала желания поехать в шумный говорливый город. Она полюбила эту тихую

улочку, заросшую соснами, берёзами и кустами белой сирени. Её любимый Иркутск, город её радостной молодости, к которому она так прикипела всем сердцем, был в пяти минутах езды. Его вечерние огни она могла наблюдать из окна мансарды, где она Клим оборудовал для неё маленький кабинет для работы.

Здесь стоял её столик с ноутбуком. Противоположную стену занимали книжные полки, за перегородкой стояла кованная белая кровать, заказанная по её авторскому рисунку.

Клим отремонтировал старый камин, возле которого так хорошо размышлять о будущих литературных сюжетах. Эльвира сняла цветастые обои и нанесла на стены штукатурку пастельного салатного цвета. Повесила светлые шелковые шторы и заменила накидку на мягком глубоком кресле.

Вид из окна гостиной был великолепен. Две старые берёзы, склоненные над деревянным столом и двумя скамьями, сколоченными из широких щелистых досок. Движение тонких плетистых берёзовых ветвей, на которых черными точками сидели мелкие птицы, Эльвира могла наблюдать часами.

* * *

Только к обеду Эльвира зашла на кухню. Открыла холодильник, достала вчерашний борщ. Приготовлением пищи обычно занимался Клим. Он делал это по привычке. Ча-

стые туристические восхождения научили разным приёмам быстрого приготовления свежей горячей еды. Если бы он не стал готовить, они питались бы бутербродами и магазинными пельменями.

С тех пор, как их сын Тимофей переселился от родителей в собственную квартиру, Эльвира заявила мужу, что её стояние за плитой закончилось. Хотя, это было явным преувеличением. Эльвире редко приходилось стоять у плиты. Сначала из-за позднего возвращения с работы, потом из-за частого отсутствия сына и мужа дома.

Покладистый Клим не обрадовался такому заявлению, но спорить не стал. Уступил, как обычно. Тем более, издатели и заинтересованные в организации литературных встреч лица стали часто приглашать Эльвиру на обеды и ужины в рестораны или кафе. Она с радостью откликалась на такие предложения.

Но сегодня Клим снова уехал надолго, придётся позаботиться о еде самой. А ездить на литературные встречи ей стало сложнее из-за боли в ногах. Чтобы добраться из поселка до центра Иркутска требовалось не менее полутора часов. Поэтому всё чаще она стала участвовать во встречах в форме «он – лайн», не выходя из дома.

* * *

Эльвире вдруг захотелось холодного кефира. В холодиль-

нике его не оказалось. Она собралась и медленным прогулочным шагом пошла в магазин. Он находился в сотне метров от дома.

У соседнего дома на скамейке сидела женщина. На приветствие Эльвиры она не отозвалась, глядя перед собой.

На обратном пути Эльвира обратила внимание, что женщина также неподвижно сидит на скамейке. Её совершенно белое лицо, остановившийся взгляд насторожили Эльвиру. Рука женщины была прижата к центру груди.

– Простите, вам плохо? – спросила Эльвира, подойдя поближе к скамейке.

– Одышка. Сейчас пройдет... – пространно ответила женщина, не глядя на Эльвиру.

– Вы где живёте? Вас проводить до дома? – предложила Эльвира.

– Здесь... в этом доме, – тихо сказала женщина. Каждое слово проговаривала с трудом.

– Я – врач. А кроме того, ваша новая соседка. Меня зовут Эльвира. Может, тихонько дойдём до нашего дома? Я накапаю вам «Валокордин»! Этого добра у меня достаточно! – Эльвира помогла соседке подняться со скамьи. Они зашли в дом.

* * *

– Если через полчаса боль на отпустит, вызову скорую!

Давление сто восемьдесят на сто! – решительно сказала Эльвира. Она измерила артериальное давление своим рабочим тонометром и с тревогой наблюдала за соседкой, которую усадила на кушетку в комнате.

– Уже лучше. Спасибо. Меня зовут Аэлита, можно, Лита. Я рада познакомиться с вами, – ответила женщина. Её щеки чуть порозовели.

– Часто так бывает? Одышка, давление выше нормы? – профессионально поинтересовалась Эльвира.

– Стараюсь не допускать такого. Понервничала, небольшая ссора с мужем, вышла на улицу и поплыла... – с улыбкой ответила Лита.

– Тогда идём есть борщ? Мой муж сварил превосходный борщ! – Эльвира поставила на плиту кастрюлю.

– А сам он где? – огляделась вокруг Аэлита.

– С приятелем с раннего утра уехали на очередное восхождение по горам Кавказа! Мой муж – отчаянный путешественник! Так что, я одна! – сказала Эльвира и достала из шкафа тарелки.

– Что так бывает? – удивленно спросила Лита.

– Как? – Эльвира повернулась к соседке и засмеялась.

* * *

Свою способность расположить собеседника к откровению Эльвира хорошо знала. Она умела слушать другого. Ей

было интересно слушать. Каждая человеческая история уникальна.

Бывают писатели, которые пускаются в далёкие путешествия, взбираются высоко в горы, уплывают в дальние страны, желая найти сюжет для очередного романа или повести. Эльвира могла найти этот сюжет в парикмахерской, в очереди за билетами в театр, в автобусе, на трамвайной остановке.

Выслушав рассказ Аэлиты, Эльвира ничему не удивилась. Типичная ситуация двоих, проживших в браке долгие годы. Всё, как в природе. Симбиоз, паразитизм, анабиоз. Начиная с развития близнецов в одном околоплодном пузыре, где один доминирует, другой – слабеет и чахнет, питая своими соками первого.

Семья – закрытая система, в которой также происходит перераспределение природных сил в пользу того, кто сильнее.

Разве в её семье было все гладко? Это со стороны всё выглядит глянцево и красиво. Заботливый супруг, уважающий творческую свободу жены.

Если они подружатся, Эльвира расскажет соседке свою личную историю. А пока Аэлита взглянула на часы и поспешила домой.

– Рада была познакомиться. Хорошие соседи – это значит много! – вежливо распрощалась Эльвира с Аэлитой.

Когда калитка за соседкой захлопнулась, Эльвира села на свою скамейку у забора, вытащила из глубокого кармана домашнего халата пачку сигарет и с наслаждением затянулась. Несмотря на свою тягу к курению, которая началась у неё с пятнадцатилетнего возраста, Эльвира никогда на курила в доме. И никому не позволяла этого делать. Это удивительно, но сигаретный дым, витающий в доме, сильно раздражал её.

Поэтому возможность вольготно устроиться на свежем воздухе и спокойно покурить, не опасаясь выкриков соседей с верхних балконов, которые, как назло, все до единого, страдали аллергией на дым, было одной из причин, по которой Эльвира согласилась переехать в сельский дом.

Ей казалось, что она вот-вот начнёт страдать от одиночества, оказавшись вдали от шумного города, от многочисленных приятельниц и просто знакомых.

Знакомых, действительно, было много. Коллеги могли за просто забежать в гости, чтобы обсудить последние распоряжение «главнюка», соседи по лестничной площадке часто заходили сами или приглашали Эльвиру к себе на дни рождения. Земляки из Январска приходили в выходные дни, чтобы посидеть за столом и вспомнить родной город. В большинстве своём, это были друзья Клима, вместе с ним покорявшие снежные вершины.

У Эльвиры была только одна задушевная подруга – Женя Тарбеева, её однокурсница, соседка по комнате в студенческом общежитии и свидетельница на регистрации брака Эльвиры и Клим. Милая, лучезарная, озорная Женька. После получения медицинского диплома они с Сергеем Резванцевым, военным офицером расписались в ЗАГСе и уехали в Казахстан, где Сергею предписано было служить. Женя писала Эльвире письма, наполненные тревогой и тоской по родной Сибири.

Родилась Женя в бурятском селе Усть-Орда. Её семья была многочисленной, дружной и хлебосольной, как многие бурятские семьи. От русской матери она унаследовала серо-голубые глаза, а высокие скулы, широкое лицо и густые черные волосы достались ей от отца, чистокровного бурята по имени Вилюс. Эльвира много раз была в гостях у родственников Жени и всякий раз удивлялась дружелюбности бурятов, их щедрости и гостеприимству.

Для Эльвиры Женя была душевной отрадой и источником радости. Что бы ни произошло в их судьбе, Женя могла разъяснить причину этого с точки зрения буддизма. По словам Жени, её отец был потомственным ламой и генетически передал дочери свои знания. И всякий раз выходило, что всё происходит к добру. После разговора с Женей небо становилось голубее, облака белоснежнее, а всё происходящее становилось очередной ступенькой к надежде.

Во время развала великого союза республик свободных

мужа Жени, Сергея Резванцева отозвали из Казахстана и направили в западную Германию, для работы в российском посольстве. Женя безоговорочно отправилась с мужем. Теперь Эльвира могла общаться с Женей только по системе «Скайп». Она скучала по подруге, потому что Женю заменить не мог никто.

– Через пару лет наша служба закончится. Мы вернёмся на родину. И будем чаще с тобой видаться. Думаешь, я не скучаю по нашим вечерним чаепитиям? Думаешь, обеспеченная жизнь в Германии затуманила мои мозги? А моя родня всё время требует, чтобы я поклялась, что я не останусь в Берлине и снова приеду в Усть-Орду! Сергей обещал, что так и будет! – сказала Женя во время видео разговора.

«Скорее бы, Женька, увидеть твою целебную улыбку!» – думала Эльвира, осторожно стряхнув пепел в жестяную баночку, стоящую под скамейкой. Она с удовольствием вдохнула прохладный чистый воздух.

Дорога на улице была ровной, широкой, посыпана мелким щебнем. У каждого дома росли ели, сосны и кусты сирени. Улица выглядела так красиво даже ранней весной, когда среди хвойных зарослей проглядывали хрупкие серые веточки кустарников. Эльвира мысленно представила, насколько здесь будет красиво в солнечные летние дни.

В окне дома напротив раздвинулись белые шторы и мелькнуло женское лицо. Это Полина Леднёва, ещё одна соседка. Улыбчивая женщина лет шестидесяти, темноволосая

и скуластая. Она напомнила Эльвире Женю, поэтому сразу понравилась. Сначала их объединила общая тяга к курению. А после они стали болтать на разные темы и обнаружили много общего между собой.

Эльвира не стремилась дружить с соседями очень плотно, исходя из печального опыта, когда её соседкой по лестничной площадке была назойливая Надя Куркина, одинокая бездельница и любительница поболтать. Выпроводить Надю из квартиры было очень сложно.

Однако Полина оказалась очень чувствительной по отношению к другому человеку и отношения с ней были не обременительны. Напротив, Эльвире иногда хотелось видиться с соседкой чаще, чем та приходила на лавочку. Полина не была чрезвычайно любопытной, её вопросы были тактичны. В любом случае покурить вдвоём с Полиной оказалось намного веселее, чем дымить в одиночку.

Из калитки Леднёвых вышла высокая худенькая женщина с рюкзаком за спиной. Седые тонкие волосы развевались на ветру.

– Сядешь в автобус, сразу позвони! – крикнула ей вдогонку Полина, вышедшая следом за женщиной. Убедившись, что женщина скрылась в переулке, Полина быстро перешла дорогу, села рядом с Эльвирой и тоже достала сигареты.

– Родственница? – спросила Эльвира, указывая на дорогу, где только что шла женщина.

– Подруга. Недавно сын у неё умер. Стала страдать голо-

вкружением, иногда остановится и забывает, где находится. Но не любит, когда её опекают и суеются. Понимаю, о чём ты подумала. Нет, ей не нравится, если я пытаюсь проводить её до остановки. Я очень беспокоюсь за неё, но считаю, что нельзя навязывать контроль, если человеку это неприятно, – ответила Полина и замолчала.

– Даже, если твой контроль необходим? У твоей подруги возможно начало болезни Альцгеймера. Она может выйти на остановке, сесть на скамейку и замёрзнуть. В моей практике сколько угодно таких случаев. Иногда надо настоять на своём, исходя из интересов больного! Для его же блага! – возразила Эльвира.

– Недавно я обнаружила на цветках моей китайской розы каких-то мошек. Развела инсектицид и немедленно опрыскала. Но вместе с паразитами погиб цветок. Сегодня проснулась, а он лежит на полу, скрюченный и почерневший. Понимаешь меня? Благими намерениями... дальше ты знаешь. На всё воля Божья! Я хорошо знаю свою подругу. Она лучше убьёт себя, чем позволит руководить собой. Ей хватает благих уговоров дочери! – резко ответила Полина.

– Хорошо, хорошо. Молчу. Привычка врачебная сказывается, – Эльвира согласно кивнула и засмотрелась на куст молоденькой вербы, случайно затесавшейся среди елочек. На верхних веточках появились крошечные пушистые комочки. Рановато для холодной сибирской весны. Еще вчера их не было, Эльвира помнит это точно. Ведь она выходит на эту

скамеечку каждый день.

Пушистые комочки блестят на солнце, словно капельки жидкого серебра. Один из таких «пушистиков», похоже, уже зацвел и ошетинился букетиком светло-зеленых тычинок.

В середине марта погода в любой момент может обрушиться на эту нежную зелень снежные хлопья или мелкий град в одну минуту побьет эту хрупкую красоту. Но сейчас этот храбрый хор бледно-зеленых тычинок покачивается на ветру и поёт свой весенний гимн солнцу.

– Пойду разогревать обед. Скоро мой Павел начнёт сучить ногами. Пока, соседка! – Полина бросила окурков в жестяную банку, стоящую под скамейкой и направилась к своему дому.

– Пока! Мне тоже пора. Надо закончить вторую главу книги, – ответила Эльвира.

– Как-нибудь, под настроение, я расскажу тебе кое-что интересное из своей жизни. Возможно, наберётся на целую главу. А, может, потянет на целый роман, – откликнулась Полина, открывая калитку.

– С удовольствием послушаю! Ну и как мне не писать романы, скажи? Разве я ищу сюжеты? Нет! Сюжеты идут ко мне, сами по себе! Я уже не говорю о собственной жизни, способной удивить отдельных читателей! – пошутила Эльвира, задвинув ногой под лавочку жестяную банку с окурками.

Глава 3

– Люська! Зараза! Ты когда перестанешь мотать нервы Николаю? Вот возьму и пришибу тебя этой сковородкой! – кричала из кухни обозленная мать своей дочке.

Люся, крупная, рано созревшая девочка четырнадцати лет громко шмыгала носом от обиды. Пьяный сожитель матери, третий по счёту дядя Коля, снова ущипнул ее за набухшую грудь и пытался задрать юбку. А когда она пожаловалась матери, та её же отругала.

– На, вот добавь в водку своему отчиму! У матери утащила! Она эти таблетки у знакомой медсестры берёт! Батя спит, как младенец. Тихо, тихо! – худая длинная Клава Андреева, одноклассница Люды, быстро сунула в кармашек школьного портфеля шелестящую конвалюту с таблетками. С тех пор отчим не тревожил Людмилу.

– Какой-то ты стал сонливый Коленька! Разленился совсем! – приговаривала Елизавета Степановна, горестно качая головой. Её активный темпераментный сожитель, похоже, потерял к ней интерес. Но Николай только сонно таращил глаза и снова утыкался в старую измятую диванную подушку.

– Пошёл вон! Зачем ты мне нужен, старая развалина? Чтобы смотреть, как ты дрыхнешь? – не выдержала однажды Елизавета Степановна и выставила сожителя с вещами за по-

рог.

Люся, низко опустившая голову над книгой её любимой Агаты Кристи, едва заметно улыбнулась.

Оставшаяся без мужской плоти мать становилась агрессивной.

Она подрабатывала санитаркой в госпитале, недалеко от дома. Приходила с работы и начинала придирааться к дочери.

– Скоро совсем ноги откажут! Сяду на одну пенсию! Куда бы тебя пристроить? У всех дети, как дети! Ну, за что мне такое наказание? Возьми хоть эту директорскую дочку! Как её зовут? Эльвира? Надо же, имя какое дали красивое! Летит легким пёрышком по воздуху! Вся в беленьком, чистенькая, стройненькая! А ты! Ходишь, переваливаешься с ноги на ногу! Медведица хромая, а не девка! Кто на тебя позарится, скажи? – кричала мать, сидя у окна и наблюдая за всеми, кто входил или выходил из подъезда. Это теперь стало любимым развлечением Елизаветы Степановны.

– А ведь её мать Лилька соблазнила нашего старого главного врача, покойного Алексея Владимировича. Разбила его семью, повешалась на шею уважаемому человеку. Может, не она, так он бы ещё пожил на этом свете. Это она свела его в могилу, вертихвостка! Мне в госпитале всё про неё рассказали. Ни стыда, ни совести! И смотри, ходит, как ни в чём ни бывало! Тьфу! – в полголоса бормотала Елизавета Степановна, теребя грязную оконную штору в морщинистых руках.

Люся столько раз в день слышала про «директорских де-

тей», что внутри её начинала расти неприязнь к ним. И, хотя она понимала, что сама Эля Вяцкая тут не причём, она стала испытывать острую ненависть по отношению к этой красивой, улыбочивой, всегда радостной девочке.

Чтобы скорее уехать из дома, Люся поступила в Иркутское медицинское училище сразу после окончания восьмого класса.

Никакого призвания к медицине она в себе не находила, но была одна причина, по которой она выбрала такую специальность. Главный врач госпиталя помог матери с направлением дочери на учёбу. Людмиле не пришлось даже сдавать экзамены. Её зачислили, как целевого студента по специальной государственной квоте. Госпиталь остро нуждался в среднем медицинском персонале.

Люся надеялась, что выйдет замуж и уедет куда-нибудь подальше от Январска. Тогда ей никогда не придётся жить в этой грязной материнской квартире с разбитыми дверями, пыльными затёртыми коврами и скандальной матерью, которая пристрастилась к спиртному, как только вышла на пенсию.

Но через четыре года Людмила вернулась в Январск. Желающих взять её в жены не нашлось. Поступила работать в тот же военный госпиталь, где трудилась её мать. Её тяготила работа в стационарном отделении, но платили в госпитале больше, чем в поликлинике.

Однажды, во время ночного дежурства Люся случайно

перепутала флаконы с инъекционными растворами. Вместо хлористого натрия ввела внутривенно хлористый кальций. Это чуть не стоило жизни пациенту. Главный врач отчаянно боролся за репутацию госпиталя и уговорил родственников пострадавшего больного не писать заявление в прокуратуру. Но Люсю безоговорочно уволили с работы в тот же день.

Взяв трудовую книжку, Люся поплелась устраиваться в поликлинику.

В коридоре она встретила Эльвиру Вяцкую. В белоснежном накрахмаленном халатике, облегающем ее тоненькую фигурку, с неизменной улыбкой на лице.

– Здравствуй, Люся! Ты к нам на работу? Отлично! Как раз моя медсестра в декрет собирается. Может, вместе будем работать? – сказала Эльвира и поспешила дальше.

От злости у Люси начался нервный тик. Что? Она будет бегать на посылках у этой выдержки, ненавистной директорской доченьки? Ну, нет, никогда! Люся развернулась и вышла из поликлиники.

С горя она чуть не стала пить вместе с матерью.

– Долго ты еще будешь висеть на моей шее? Пойди, поклоняйся в ножки Эльвире Алексеевне! Может, возьмет тебя в домработницы? – язвительно повторяла мать, надсмехаясь над Люсей, у которой одно упоминание об Эльвире вызывало тошноту.

Выручила снова бывшая одноклассница Клава Андреева, теперь уже Зябунова. Клавдия к тому времени закончила

химический факультет университета, вышла замуж за однокурсника и возглавила техническую лабораторию целлюлозного комбината. Подруга вняла жалостливым просьбам Люси. Устроила её лаборантом.

Утром довольная Люся вошла в здание лаборатории и приветствовала подругу: Клава! Доброе утро!

– Никакой фамильярности! На работе я для тебя – Клавдия Ивановна! Поняла? – в первый же день оборвала Люсю бывшая подруга.

Снова нанесён удар по болезненному самолюбию Люси. Она стиснула зубы и покорно кивнула: Простите, Клавдия Ивановна!

* * *

В один из вечеров Люся сидела у окна на месте своей матери. Елизавета Степановна слегла с приступом артрита. Люся открыла окно и вдыхала аромат расцветшей черёмухи, растущей прямо под окном первого этажа. Кусты так разрослись, что входящему в подъезд окно первого этажа не было видно. Зато из окна среди кустов хорошо была видна скамейка у подъезда.

Из входных дверей вышла оживленная пара. Альберт Вяцкий, брат Эльвиры за руку с молодой светловолосой девушкой. Изящной, тоненькой, с открытым симпатичным личиком. Альберт притянул девушку к себе и поцеловал. Они

засмеялись, прижались друг к другу и сели на скамейку. Какое-то время они сидели в полном молчании, потом снова раздался смех девушки, переливчатый, словно колокольчик. Она встала со скамейки и направилась к остановке. Альберт последовал за ней. Догнал её, крепко обнял. Обнявшись, они вместе побежали к остановке.

У Люси горестно заныло в груди. Почему у этих Вяцких все так прекрасно? Почему они счастливы, их все любят. Почему её, Люсю никто не замечает? Почему ей не везёт? Она стала избегать встреч с одноклассниками. Все они замужем или женаты. Некоторые приходят на встречи одноклассников вместе с детьми. Шум, радостные восклицания, смех. У всех один проклятый вопрос: А ты, Люся вышла замуж?

– Люська! Не слышишь? Укол мне поставь быстро! Болит колено сильно! – сердитый крик матери из комнаты прервал грустные размышления Люси. Она вздохнула, окинула взглядом кухонный шкаф. Открыла покосившуюся дверцу и достала пластиковую коробку с лекарствами.

– Умру, одна останешься. И почему ты у меня такая неvezучая родилась? Кто на тебя позарится? Разве что слепой... – вздыхая, приговаривала Евдокия Степановна, лежа на своей кушетке.

Мать умерла, когда Люсе исполнилось двадцать девять лет.

После похорон дочь заняла материнское место у окна. Сидела до позднего вечера, созерцая чужую жизнь. Слова по-

койной матери звучали в её голове и жалили, как назойливые осы. Через пару месяцев Люся достаточно изучила лица жителей подъезда. Кто с кем и когда возвращается домой. Кто приходит пешком, кого привозят на машине. Кто по вечерам гуляет с собакой, а кто с детской коляской.

Заметила, что Альберт Вяцкий иногда возвращается домой один. Садится на подъездную лавочку покурить.

* * *

– Послушай, Люся! Я много раз оказывала тебе помощь. Пришла пора тебе платить за мою доброту! – начала Клавдия Ивановна вкрадчивым голосом. Она пригласила Люсю в свой кабинет и предусмотрительно закрыла двойные двери.

– Что я должна сделать для тебя? Я готова помочь! – ответила Люся с решительностью. Она давно ждала этих слов, ей было приятно что-то сделать для Клавдии, чтобы освободиться от ощущения вечной должницы.

– Мы ждём высочайшую ревизионную комиссию из Петербурга, нашего головного офиса. Надо сделать времяпрепровождения членов комиссии максимально приятным! – заявила Клавдия.

– Ты сейчас о чём? Я не девушка по вызову, если я правильно тебя поняла! – резко ответила Люся.

– А я – не благотворительный фонд и не кризисный центр, чтобы принимать на работу девушек, оказавшихся в бед-

ственном положении! – также резко отреагировала Клавдия, прищулив глаза.

– Ладно, ладно. Не кипятись. Сделаю, что требуется, – тихо произнесла Люся.

Председателю комиссии Гоборину Валерию Игнатьевичу было 67 лет.

В молодости он слыл ярким красавцем, а нынче – сластолюбивый бонвиван. На седьмом десятке Гоборин, не смотря на глубокие морщины и выбирающий из-под брюк живот, сохранил внешнее обаяние и широкую улыбку. Улыбка сохранилась благодаря дорогим протезам, сияющим и стоящим, как бриллианты.

– Иди сюда, моя девочка! Какая гладкая у тебя кожа, Аня! – говорил Валерий Игнатьевич запинаящимся от обильной трапезы языком. Стол был накрыт в частной роскошной сауне. Три вида коньяка, водка в бочонках со льдом, грузинские вина, красная и чёрная икра, малосольный хариус, сагудай из свежей форели.

В соседней комнате горел приглушенный свет, стояла мягкая кушетка, обитая бархатом. За стеклянной перегородкой душ, туалет.

– Меня зовут Людмила, – повторяла Люся, повинувшись желаниям высокого гостя.

– Ай, брось! Какая разница! Прости старика за плохую память! – смеялся Гоборин и подталкивал Люсю к кушетке. Его зелёные глаза похотливо блестели...

– Благодарю. Мы в расчёте! – сказала довольная Клавдия Ивановна. Она вложила в кожаную папку акт об очередной проверке. Всё прошло без единого замечания.

Спустя месяц, во время обеденного перерыва Люся увидела на зеркальной витрине кафе целую стену из пивных банок разных производителей. И почувствовала резкое желание выпить стакан холодного пива. Не на работе же! Тем более, что она никогда не любила пиво. Странное желание!

Вечером она пришла домой, вынула из сумки холодную банку. Дрожащей рукой открыла крышку и приникла к пенящейся жидкости.

Опустошив банку, Люся посмотрела на неё с удивлением. Потом кинулась к своему ежедневнику. В маленьком вклеенном календаре на обороте она точками отмечала свой менструальный цикл.

– А мне ты зачем это говоришь? А про средства защиты я тебе была должна рассказать? Словно несовершеннолетнее дитя! Это твои проблемы! Кроме того, какая же это проблема? Тебе под тридцатник, а брак не светит! Хоть ребёночка родишь себе в утешение! Всё же не от бича местного понесла. Игнатьевич – мужик видный! – Клавдия Ивановна говорила, не отрываясь от дисплея своего служебного телефона.

– Он разозлился и выбросил мои презервативы в мусорку. Сказал, что не любит с ними... Что мне теперь делать? На какие шиши я буду растить этого ребёнка? Зачем мне этот ребёнок? Ты же всё знаешь, что у меня... Может, дашь мне

координаты Гоборина? – робко попросила Люся.

– Зачем? Чтобы ты мозг ему вынесла? Чтобы он меня с работы погнал? Хороша твоя благодарность, нечего сказать! Не зли меня, пока я сама не уволила тебя! Всё, свободна! – Клавдия Ивановна покраснела от досады и выключила телефон.

* * *

– Альберт! Можно тебя на минутку! Только на одну минутку! Пожалуйста, помоги мне! – Люся открыла окно и проговорила плачущим голосом. Она весь вечер не отходила от окна, караулила Альберта Вяцкого.

– Что случилось? – спросил Альберт, вглядываясь в темное окно на первом этаже. Обычно он вежливо здоровался с соседями, но практически не замечал их лиц. Сегодня он был расстроен ссорой с Ольгой. Любимая девушка отказалась ехать в выходные на фестиваль танца в Иркутск. А он так надеялся на её поддержку. Альберт мрачно курил и размышлял, как бы уговорить Олечку поехать с ним.

Но женщина в окне снова заплакала и снова обратилась к нему по имени. Значит, она знала его. Что ж, соседка, надо помочь... Альберт с досадой затушил сигарету и зашёл в подъезд.

Он слушал жалобы соседки, её плач по умершей матери, произносил сочувственные слова и даже согласился выпить

глоток вина в память о покойной. Альберт был хорошо воспитан.

Вскоре случайный эпизод с соседкой был забыт.

Они с Олей помирились и он, наконец, сделал ей предложение. Оля ответила: Да! Всё остальное растворилось в тумане суетных будней. Началась беготня по свадебным салонам в поисках какого-то необыкновенного платья для Ольги.

Свадьбу запланировали на начало июня. Из Германии приедут родители Ольги. Её отец, Генрих Генрихович Гольштейн – соучредитель автомобильного завода в Дрездене, специально ко дню их свадьбы заказал автомобиль серебристого цвета особой конструкции. Свадебный подарок дочери.

А в мае к нему на работу пришла заплаканная Ольга и швырнула ему на рабочий стол обручальное кольцо.

– Если ты так хотел ребёнка, мог бы сообщить мне об этом! Но ты твердил о своей карьере! Просил меня подождать с рождением детей! Ты твердил о доверии, а сам одновременно бегал утолять свою похоть к другим женщинам! Мерзавец! Лжец! – крикнула Ольга.

Потрясенный Альберт потерял дар речи.

* * *

Первые два года своей вынужденной семейной жизни Альберт утешал себя надеждами, что как только маленькой

дочке Арине исполнится три года, он оформит развод с Люсей. Он выполнит свой долг по отношению к Людмиле. Альберт часто говорил об этом приятелям и коллегам, ощущая себя благородным страдальцем во имя благополучия своего ребёнка. Приятели кивали головой и недоверчиво поглядывали на него. Конечно, уверял их Альберт, он будет исправно платить алименты, а сам уедет в Москву и восполнит упущенное в своей карьере организатора танцевальных конкурсов.

Но каждый вечер он покорно шёл в квартиру к Люсе. Ему самому было непонятно, почему он столько лет живёт с женщиной, которую не любит. Почему по-прежнему мечтает об Ольге, а спать ложится с Люсей. Когда Альберт начал свой самоанализ, в нём возникала злость на самого себя. Жена всегда была ласкова с ним. Она поддерживала Альберта во всём. Согласилась ждать его, пока он сделает карьеру в Москве. Она не возражала против его командировок в Москву, хотя всегда подчеркивала, что будет скучать без него. Её покладистость и забота, граничащие с самопожертвованием трогали Альберта. Правда, жена не любила гостей, но Альберт привык и к этому. С друзьями он мог встретиться на работе, а дома Люся готовила вкусные ужины, не забывая купить бутылку его любимого вина.

– Мы, брат, все немножко подкаблучники, но ты однако по этой части всех обогнал! – часто говорил Архип Кузнецов, руководитель художественной школы и друг детства.

Иногда, когда дети расходились по домам, они собирались в мастерской дома культуры, расположенной в каменной светлой пристройке и выпивали по кружке свежего пива.

– Не говори ерунды, Архип! Просто я уважаю свою жену! – хмурился Альберт.

– Ну, не серчай на правду! Так я и говорю: ты настолько уважаешь свою жену, что трясешься, как овечий хвост, завидев её, – смеялся Архип и хлопал друга по спине.

– Нам с твоей Люсей не жить. Хотя, надо признать, она у тебя на любителя... Главное, тебя она устраивает, – соглашался Виктор Павлищев, тоже бывший одноклассник Альберта, работающий в должности завхоза. Альберт слышал в этих фразах иронию и насмешку. Конечно, его приятели сравнивали изящную светловолосую Ольгу с неуклюжей Люсей. Их улыбки напоминали о том, что он потерял по собственной вине. Это злило Альберта.

– Стоит мне захотеть, я верну Ольгу. Надо только, чтобы дочка немного подросла. Её жалко бросать, – важно отвечал Альберт, захмелев после пива. Но приятели снова смеялись.

В их словах была правда. Люся устраивала Альберта.

Своим отношением она напоминала ему утраченное чувство надёжной материнской любви. Люся всегда знала, как правильно поступить, что лучше одеть, с кем дружить, а кого стоит опасаться. Рядом с ней не надо было не о чем беспокоиться. Все важные решения Люся брала на себя. Альберту только оставалось спокойно работать и вносить свою зар-

плату в общий семейный фонд. Он хранился в маленьком встроенном сейфе. Им также ведала Люся. Только она знала шифр.

– Люсенька, милая! Дай мне пять тысяч рублей на подарок маме ко дню рождения! – спрашивал Альберт у жены.

– Пять тысяч? Да ты с ума сошёл? Мне, конечно, не жалко денег, но у твоей матери всё есть! Кстати, мы только недавно покупали ей помаду ко дню учителя. Вот возьми тысячу рублей, купи ей букетик цветов, этого будет достаточно! – отвечала Люся, открывая сейф и выдавая деньги. Любые денежные траты на свекровь очень раздражали Люсю.

Альберт любил мать и тяжело пережил её ранний внезапный уход. Его мучило чувство вины за то, что почти не навещал мать, пока она лежала в больнице. Но в это время захворала Люся, которая была на больничном, и требовала, чтобы муж постоянно сидел возле неё. Разве мог Альберт отказать своей заботливой жене в такой малости? Разве мог он предположить, что мать скончается в больнице?

Покойная Лилия Антоновна даже после своей смерти напоминала сыну о себе в беспокойных мучительных снах. «Эх, Алик, мой Алик! Как редко я вижу тебя... – слышал во сне он тихий голос своей матери. Альберт просыпался и мысленно давал себе обещание съездить на могилку матери и положить свежие цветы. Но наступал день, он так и не осмеливался спросить разрешения своей жены. А поехать на кладбище без её разрешения было невыносимо.

Когда он перебрался в квартиру к своей жене, то сразу понял, что его частые визиты в материнскую квартиру Люсе не по нраву. «Была бы твоя мать любящей, то отдала бы свою квартиру нам. А то живёт, как барыня в огромной квартире! А коли она тебя не любит, то стоит ли так суетиться перед ней?» – говорила Люся. Она умела говорить так убедительно, что Альберту стало казаться, что так всё и обстоит.

Он погружался в пучину детских обид и тревог, находя там новые и новые подтверждения слов жены. Мать всё время отдавала своей учительской работе, а ему не уделяла должного внимания. Она всё время шепталась о чем-то со старшей сестрой, а он, несчастный и брошенный ими, плакал в своей комнате. И сколько бы теперь мать ни старалась, ей не удастся восполнить то ужасное невнимание к младшему сыну.

Он очень страшился одиночества. Ему был необходим человек, служивший своего рода спасательным якорем, не дававшим болезненному воображению улететь в коварные дали, сулившие безумие. Раньше этим якорем была мать. Её суждения, оценки, советы Альберт впитывал в себя и судьба благоволила к нему. Именно мать первой заметила талант сына, отдала его в хореографическую студию, она посоветовала продолжать учиться и помогла ему получить высшее образование.

Когда он познакомился с Ольгой, мать одобрила их дружбу, только тогда Альберт позволил своему чувству развиваться

и начать думать о женитьбе. Мать была компасом, указывающим правильное направление. Один материнский взгляд, укоряющий или одобрительный, брошенный случайно или сурово направленный на него, означал многое для Альберта. Материнская улыбка, ласковое слово, жест в сторону сына, были желанной наградой. Увидев мать в обществе сестры или подруги, он ощущал себя словно обокраденным. Будь его воля, он вечно сидел бы у ног матери и не допускал бы до неё ни единого человека.

Переселившись к Люсе, Альберт долго привыкал к новой обстановке, к новым домашним устоям. Его внутренний компас сбился и стрелка заметалась по полю сознания. Люсе было безразлично то, чем дорожила мать. Её жизнь протекала по другому руслу. Однако она умела подвести под свое поведение такие жесткие основания, что Альберту стало казаться, что права именно она. А всё, что было до Люси, истончалось, таяло и становилось эфемерным и надуманным.

– Я уверена, что для матери ты не представлял особой ценности. Стоило мне познакомиться с вашей семьей, я сразу поняла, кто главный для твоей мамы. Конечно, это обожаемая Эльвира. Не понимаю, почему ты не видел, как она восхищается своей старшей дочерью и не во что не ставит тебя. Ах, Элечка, умница – красавица! Ах, она стала врачом! Ты у меня наивный простачок! Твоя старшая сестра хитра и лжива. А самое ужасное, она тебя не любит! Мне больно видеть, как к тебе относятся твои родные. Например, ска-

жи, сколько раз твоя мать соглашалась посидеть с Аришей? Отвечу: нисколько! Зато ради Тимоши она отпрашивалась с работы, только чтобы её Элочка не брала больничный и зарабатывала репутацию примерного врача. Меня, твою жену она почти игнорирует. Уверена, наедине с Эльвирой они говорят про меня разные гадости! Про твою жену, понимаешь? Это – показатель её плохого отношения к тебе! – говорила Люся за ужином, нежно вытирая с губ Альберта прилипшие крошки хлеба.

Альберт пытался возразить жене, но с ужасом осознавал её правоту. Хотя мать и сестра никогда не говорили плохо о его жене, было заметно, что они недостаточно ценят её. А ведь Люся мудра и справедлива. Она проницательна и без слов понимает его внутренние терзания. Она – единственная, кто любит его искренней любовью. Она всегда знает, как поступить правильно.

Наевшись, Альберт прикинул к теплому плечу жены и засыпал, успокоенный её присутствием.

Чтобы не разочаровывать жену, он почти перестал заходить к матери. Ссылаясь на свою занятость и усталость. Проживая с матерью в одном подъезде, он мог не видеть её неделями.

– Ты давно был у матери? – спросила как-то Ульяна Яковлевна, его бывшая учительница.

– Не помню. Занят очень. А что случилось? – равнодушно спросил Альберт. Ему не нравилось, когда напоминают о его

сыновних обязанностях.

– Приступ у неё ночью был. Скорую вызывали. Сказали, кишечная колика. Да ты зайди к ней и спроси сам, – ответила Ульяна Яковлевна, внимательно изучая выражение лица Альберта.

– Спасибо. Обязательно зайду! – заверил Альберт и поспешил по своим делам. Через минуту слова Ульяны Яковлевны выветрились из его головы. Вечером он о них вспомнил и решил забежать на пятый этаж. Но тут пришла с работы Люся и он передумал. Всё, что касалось больниц, очень пугало Альберта. Он боялся болезней, смерти и избегал всяких трагических зрелищ.

– Не волнуйся, милый! Я уже сходила к Лилии Антоновне. Отнесла ей домашней еды. У неё все хорошо! А ты устал, садись ужинать, я твою любимую рыбку обжарила в кляре! – сказала Люся, хорошо изучившая страхи своего мужа. Она уже доставала из холодильника бутылку холодной водки.

– Спасибо, Люсенька! – пробормотал довольный Альберт, усевшись за стол.

При всем том, Альберт охотно брал от матери деньги, которые она давала ему.

– Вот возьми, сыночек! Не знаю, что подарить тебе на день рождения. Хотела расспросить тебя, но ты так и не зашел. Понимаю, понимаю, ты занят, – говорила обычно Лилия Антоновна, передавая сыну конверт-открытку с деньгами.

– Куда ещё тратить деньги старой женщине, если не на

единственного сына? Бери, пока даёт! Надо заметить, не так уж часто это случается. Ты не возьмешь, сестрица твоя схватит! А она и без того богаче нас живёт! – говорила Люся, принимая из рук мужа очередной конверт с купюрами. Помощь свекрови она воспринимала, как должное. Однако вид денежных знаков поднимал Люсе настроение. Она одобритительно смотрела на мужа, а он радовался и млел от этого одобрения, как верный пёс радуется, когда хозяин почешёт его между ушами.

С помощью Лилии Антоновны, их маленькая квартира преобразилась. Был сделан хороший ремонт, приобретена новая модная мебель, на кухне сиял белый гарнитур, сделанный на заказ. На полке стоял весь ассортимент современной бытовой техники. Это был свадебный подарок Лилии Антоновны, обожавшей своего талантливое сына.

* * *

Наступил момент, когда Альберт начинал сомневаться, стоит ли разводиться с такой женой, которая на всё готова, лишь бы желания мужа сбывались. Вот уже маленькая Арина пошла в школу. Альберт ходил на родительские собрания и возвращался оттуда с гордостью. Дочка росла смышлёной и послушной. Разумеется, ей необходимо отцовское внимание, ведь он сам едва помнит своего отца.

Счастливые воспоминания об Ольге окутывались розова-

той дымкой грусти и удалялись, оставляя терпкий привкус. Временами Альберт выпивал пару рюмок водки и разрешал себе томную грусть о несбывшейся любви. Но даже это он делал в отсутствие Люси, опасаясь её пронизательного взгляда.

Правда, была в характере Люси черта, которая беспокоила Альберта. Это её равнодушие к собственной дочери. Его чувствительное сердце страдало, когда маленькая Аришка подбегала к матери, желая поделиться своими детскими радостями или печалью, и была сражена злым окриком. Тогда её личико съеживалось и опадало, как опадает тонкая травинка под острой косой. А бывало, что Арина получала от матери удары по голове костяшками пальцев. Это было больно, девочка тихо плакала, уткнувшись в подушку, потому что громкий плач могли слышать соседи. Альберт жалел дочку, но не решался вступить за неё. Люся могла разозлиться.

Когда Люся злилась, это можно было определить по её холодному взгляду, по тому, как она заходила в дом, как снимала верхнюю одежду. У Альберта начинали неметь кончики пальцев и сводило ноги. В доме словно поселялся опасный смерч, тёмный и леденящий душу. Ариша пряталась в своей комнатке, забравшись под покрывало с кошкой Фросей. Альберт тихо сидел, сгорбившись в углу дивана.

– Старая мерзкая шлюха, ты ещё пожалеешь о своих словах! – доносилось из кухни, где Люся с остервенением резала лук, словно это был не лук вовсе.

«Клавка опять премию срезала за квартал!» – догадывался Альберт.

– А эта тощая обезьяна! Тварь, подхалимка! Погоди у меня! И ты, корова жирная, получишь своё! – слышал Альберт, когда Люся яростно помешивала картошку в сковороде.

«Жанна, новенькая заместительница, видимо, поддержала начальницу. И Верочка Круглова туда же. Невероятно...» – размышлял он, слушая реплики жены. Как не повезло ей с коллегами. Он искренне считал, что Люся всегда и во всём права.

Он ни разу не видел её коллег. Люся одна ходила на корпоративные вечера, хотя приглашения получали супруги работников.

– Простите, но мой любимый муж немного захворал! Я буду одна! – говорила по телефону Люся организаторам мероприятия.

– Почему бы мне не пойти с тобой? – удивлялся Альберт.

– Зачем? Слушать бабьи сплетни? Эта маразматичка начнет рассказывать о своих успехах на турецких пляжах, будто все турки сбежались посмотреть на ее кривые толстые ноги. А лупоглазая Верка с этой очкастой мартышкой будут делать вид, что восхищаются этим бредом. Сиди дома и отдыхай! – командным голосом говорила Люся.

Сидеть и отдыхать – что может быть лучше. Альберт включал любимые сериалы, ближе пододвигал столик, наливал рюмочку холодной водки и наслаждался свободой.

Иногда он смотрел на себя в зеркало. Оно отражало скуластое лицо с тонкими чертами, пухлыми губами и четко очерченным подбородком. Лучистые карие глаза под черными шелковыми бровями. В молодости он слыл красавчиком. А теперь? Возле губы появились тонкие морщинки. Под глазами формируются отёки. Его натренированные мышцы начинают дрябнуть.

Альберт почувствовал, что изображение в зеркале расплывается и становится бесформенным. Еще минута и он почти не видит своё лицо. Перед глазами появляются темные пятна. Что это? Альберт активно моргает, но картинка в зеркале не становится яснее.

Может, Люся как всегда права и он действительно болен? Альберт со страхом отворачивается от зеркала и спешит к телевизору. Рассматривает изображения на экране и успокаивается.

Шли годы, однако Альберт так и не решился на перемены в личной жизни. Всё складывалось не так, как ему хотелось, но в целом неплохо. Он руководил хореографической студией, вывозил детей на гастроли, устраивал выступления на городских праздниках. Местные газеты писали о его успехах, его имя знал весь город.

Всё, что требовалось от него дома, так это полное подчинение. А это было нетрудно для Альберта. Он любил подчиняться и следовать желаниям более сильного. Спорить, настаивать, бороться он не умел. Да и не желал. Его семейная

лодка тихо плыла по течению, мерно покачиваясь. Ему казалось, что на резкий разворот и борьбу с волной у него может не хватить сил. Тогда зачем беспокоиться и искать весла?

Но заветная мечта о столичной сцене не покидала Альберта. Он ждал, что о его успешной работе станет известно в Москве и его позовут. Пусть его возраст как танцовщика прошёл, но он мог работать в качестве преподавателя танца.

Однажды Альберт стал показывать ученикам танцевальное «турне» и упал со сцены. Он делал повороты по сцене сотни раз. Но теперь вдруг не увидел края сценической площадки. Хотя, эту сцену он знал до последнего сантиметра. Такого с ним еще не случалось. Всё обошлось незначительной травмой ноги. Как только нога окрепла, Альберт снова вышел на сцену. Во время репетиции, когда он показывал пируэты, у него закружилась голова и он ударился о металлический край ящика с оборудованием. Он не увидел этот ящик, поставленный им самим за кулисами.

Когда случаи головокружения стали повторяться, Альберт впал в отчаяние. Что с ним происходит? Контроль координации движений – основа танца. Потеря координации – крах карьеры танцовщика.

– Бертик, покажись офтальмологу! Я договорюсь, чтобы тебя приняли без очереди! – сказала Эльвира, когда он рассказал сестре по телефону о случаях падения. Альберт поёжился от интонации сестры. Но пришел на приём к врачу.

– У родителей были проблемы со зрением? – спросил Ан-

тон Петрович Охтин, опытный офтальмолог. Он осмотрел Альберта достаточно тщательно, но затруднялся поставить окончательный диагноз.

– Нет. У всех отличное зрение. Отец до самой старости не носил очков, – ответил Альберт после того, как врач внимательно изучил данные анализов и пролистал его амбулаторную карту.

– Если бы у вас была другая профессия, то я бы решил, что вы подвергаетесь воздействию вредных факторов на производстве. Но танцы... Не пойму причин резкого ухудшения зрения... вижу поражение сетчатки. Требуется более детальное обследование. Не в нашей больнице, разумеется, – Антон Петрович задумался и вопросительно посмотрел на Альберта. Потом пожал плечами.

– Господи, милый Алик! Почему так? Что мне сделать для тебя? Как же твоя мечта о Москве? – рыдала Люся на плече у мужа.

– Налей мне водки! Иначе, я взорвусь, – тихо ответил Альберт. Люся рванулась к шкафчику и щедро налила мужу полную рюмку.

* * *

– Доброе утро, Людмила Сергеевна! Вы что, уже работаете? Так рано? Этот красавчик – ваш муж? – поинтересовалась Вера Крутикова, незаметно подойдя к Люсе. Она взяла в

руки фотографию на рабочем столе Людмилы и внимательно всмотрелась в неё. На фото были изображены Альберт и маленькая Ариша с плюшевым мишкой в руках.

Люся вздрогнула от неожиданности и чуть не пролила прозрачную жидкость, которую она отливала из стеклянного флакона с притёртой пробкой. Этого ещё не хватало!

Вера появилась совсем некстати.

Обычно Люся приезжала в лабораторию раньше всех. Справившись с волнением, она плотно закрыла крошечный флакон, убрала в сумку и спокойно пояснила: Ничего особенного... Стеклоочистительное средство делаю. Рецепт в журнале нашла. Очень эффективно мыть окна. Пару капель на ведро воды и окно блестит. Не болтай Клавье. А то поднимет шум из-за пяти миллилитров.

– А, понятно. Конечно, не скажу. Вы, Людмила Сергеевна, – хозяйюшка, чистюля. Понятно, почему вы так удачно вышли замуж за этого брюнета. Дочка у вас очень хорошенькая, надо сказать. Вся в отца. Я бы на вашем месте всем уши прожужжала про свою семью, а вы ни словечка. Скромная вы, Людмила Сергеевна... Боитесь сглаза? Я – не глазливая! Я – ленивая! И невезучая! Вдобавок, толстушка. Мне лень такие чистящие средства составлять, капли считать, вымеривать... Покупаю, что есть в магазинах, – произнесла Вера. Зевнула и пошла на своё рабочее место.

Люся проводила взглядом свою коллегу и приступила к выполнению рабочего задания.

– Вот скажите мне честно, вы до сих пор любите своего мужа? Вы никогда не рассказывали историю вашего знакомства. Мне всегда интересно, как можно столько лет прожить в счастливом браке! Расскажите, Людмила Сергеевна, пока Клавдии нет! – пристала Верочка во время обеденного перерыва, округлив свои блестящие, как жёлтые пуговики, глаза. Клавдия Ивановна была в Москве на конференции.

Они сидели за столиком в заводской столовой и ели пиццу с помидорами.

Люся вспомнила про свою нехитрую схему обольщения Альберта. Он оказался очень лёгкой жертвой, оставившей горький осадок разочарования. Один из тех случаев, когда потраченные усилия не стоили полученного результата.

– Конечно, я люблю своего мужа. Но в начале нашего знакомства, он проявлял инициативу. Ну, понимаешь... Он так настойчиво ухаживал за мной, выслеживал меня повсюду, устраивал сцены ревности, один раз чуть не порезал себе вены... в конце концов я сдалась, – беззастенчиво соврала Люся. Она научилась сочинять на ходу, причём выглядело это правдоподобно.

– Вот это да! Везучая вы, Людмила Сергеевна! Вот бы за мной так убивались... Но, вот слушаю вас и верю, что у меня с Юрочкой тоже всё получится. Вот только надо время,

чтобы он оправился после трагедии, – восхищенно сказала Верочка. Её каштановые кудряшки, собранные в пучок на макушке, затрепетали от волнения.

Верочка Крутикова была одной из немногих, общение с которой не вызывало внутреннего раздражения у Люси. Пухленькая, как сдобная сайка, наивная, как подросток, Верочка вызывала сочувствие, смешанное с непониманием. Люся, которая привыкла скрывать под разными масками своё истинное отношение к окружающим, видела в людях только фальшь и лицемерие. Со временем, она с изумлением убедилась, что Верочка не умеет лгать. Что эта миловидная женщина с чистыми карими глазами, способна видеть хорошее даже там, где быть его не должно. Что прошлые неудачи не заставили Верочку ожесточиться.

Между тем, Верочке исполнилось пятьдесят два года. За счёт полноты на её лице не было ни одной морщинки. Те же розовые пухлые губы, курносый носик и тот же наивный взгляд. Несмотря на солидный возраст, она по-прежнему совершала поступки, простительные для девицы лет семнадцати.

Верочка Крутикова искала своё счастье. Неумоимо, настойчиво и постоянно. С приходом технических возможностей, она пыталась найти свою единственную любовь на просторах многочисленных сайтов знакомств.

Прожжённые альфонсы, недавно освободившиеся сидельцы, алкоголики, изгнанные жёнами, просто скучающие без-

дельники сразу подмечали недалёкую женщину, видя в ней идеальную жертву. Несколько расхожих фраз, парочка пошлых комплиментов и Верочка начинала верить, что вот сейчас она, наконец, встретила того, кто самоотверженно полюбит её и останется с ней до конца её дней. Отдельные сайты напоминали интернет-помойку, в которой Верочка бродила в надежде, что среди человеческих отбросов для неё блеснёт бриллиант, случайно выброшенный кем-то.

* * *

Когда-то Вера Крутикова жила в прекрасной трехкомнатной квартире, доставшейся ей по наследству от бабушки – профессора столичного университета. Родители Верочки погибли на Кубе, когда девочке было двенадцать лет. Они были инженерами – проектировщиками, работали в советской строительной бригаде, устанавливающей оборудование на промышленном комплексе в Панаме. Во время местного мятежа один из боевиков в упор расстрелял их прямо в заводской столовой.

Фёдор Фёдорович Решетников, дедушка по материнской линии, приложил все усилия, чтобы Вера была хорошо образована и культурно развита. Девушка закончила музыкальную школу, университет. Она хорошо рисовала, интересовалась танцами.

Поскольку дедушка преподавал в университете, он мало

находился дома. Всю нагрузку по воспитанию Верочки взяла на себя молодая жена профессора, Анастасия. Мечтательная, пребывающая в мире своих фантазий, красавица Настя днём музицировала на рояле или писала стихи. Вечерами читала книги из огромной профессорской библиотеки и ждала мужа к ужину. Анастасия со всей серьезностью отнеслась к поручению профессора. Она полюбила Верочку, которая была моложе её на десять лет и научила всему, что умела сама.

После смерти дедушки, воспитавшего внучку в заботе и излишней опеке, Верочка осталась одна в роскошной квартире, заставленной антиквариатом. К чести Анастасии, она поровну поделила наследственное имущество. Себе она взяла деньги, вырученные от продажи престижной дачи, а квартиру оставила Верочке. Затем отбыла в далёкий сибирский городок Январск к бывшему другу детства, Константину Аверину, позвавшего молодую вдову замуж.

Анастасия была из редкой категории женщин, которые живут весело, радостно и плывут по жизненной реке лёгкой лодочкой. Они никого не ждут и никого не ищут. Напротив, мужчины сами находят их и, если надо, ждут десятилетиями.

Покойный дедушка Фёдор Фёдорович сохранил коллекцию старых дорогих полотен и костяных статуэток, доставшихся ему от его деда. Эксперты оценивали наследство Верочки в сотни миллионов рублей. Благодаря многолетним стараниям предков, Верочка была обеспечена на всю жизнь.

Однако, выросшая среди этого великолепия, она мало ценила эти бесценные картины и статуэтки. Оглушенная наступившим одиночеством, Верочка стала искать сердечного друга, который полюбит её не за богатство, а за её добрую душу.

Окончив химический факультет университета, Вера работала в производственном объединении по изготовлению фармацевтических препаратов. В цехе трудились одни женщины. Шанс встретить в огромных цехах мужчину своей судьбы равнялся нулю.

По совету бывших однокурсниц Верочка села за компьютер и зарегистрировалась на сайте знакомств. Оказалось, что претендентов на её руку больше, чем она ожидала. Простодушная Вера с удовольствием всем рассказывала о своей жизни. Увидев, что желающих полюбить её великое множество, Верочка загордилась и даже стала выбирать лучших, с её точки зрения. На одной из фотографий ей запомнилось мужественное загорелое лицо. Она остановила на нём свой выбор. Это был Дмитрий, руководитель полярной станции на Кольском полуострове.

Их переписка была полна взаимных комплиментов. Однажды страшно занятой полярник выкроил пару дней, чтобы обнять свою драгоценную подругу. Мужчина нагрянул к Верочке в гости и просто оглушил своей любовной страстью. Вера моментально начала строить в своей голове дальнейшую счастливую жизнь с любящим её Димочкой. Но поляр-

ника внезапно вызвали снова на дрейфующую станцию и он уехал, горестно целуя руку любимой и обещая писать ежедневно.

Грустная Верочка стала убираться в квартире и обнаружила, что исчезли все костяные статуэтки, стоящие в стеклянных шкафах. На стене, где висел подлинник Мане, темнело пятно не выцветших обоев. Верочка уронила голову на стол и горько заплакала.

После расставания со следующим возлюбленным, «наследным принцем из Арабских эмиратов» Вере оказалась в Январске, в однокомнатной квартире на окраине города. Спасти часть потерянного имущества ей помогла Анастасия, её бывшая мачеха. Теперь Анастасия Егоровна Аверина, совместно с мужем, опытным юристом владела юридическим центром в Январске. Анастасия Егоровна не осталась равнодушна к судьбе Верочки и уговорила её поселиться в Январске, чтобы та была под её неусыпным присмотром.

Едва оправившись от психологической травмы, Вера снова включилась в увлекательный поиск желанного мужчины своей мечты.

Следующий «ведущий сотрудник секретной компании по разработке ракетного топлива» оставил Верочку без сберегательного счета, деньги на котором она накопила для поездки в Таиланд.

Но неутомимая Верочка через месяц воспрянула духом и нашла «героя России, потерявшего близких во время опас-

ной транспортировки из Донецка». Одолеваемая патриотическими чувствами, Верочка в настоящее время помогала своему страдальцу пережить горе. Она покупала ему одежду, кормила, дарила свою женскую ласку. Её не смущало, что «герой России» не имел паспорта и прочих документов.

– А зовут его как? – спросила Люся, увидев на фото затравленный взгляд человека, который прячется от мира. Эту категорию мужчин она хорошо изучила. Такие же лица были у сожителей её матери.

– Юра. Юрий Смирнов, – с гордостью ответила Верочка.

– Он здесь неудачно получился. Не любит фотографироваться... застенчивый он у меня... Недавно только признался, что его именем скоро будет называться новый проспект в Мариуполе... – тихо добавила она.

«Ещё бы. Его физиономия, небось, украшает ни один стенд под названием «Их разыскивает полиция»... А насчёт улицы, ничего удивительного. Разве мало в Иркутске улиц, названных в честь кровавых убийц и террористов? Улица Войкова, улица Софьи Перовской, улица Степана Халтурина... Это у нас запросто» – подумала Люся.

Но вслух ничего не сказала. Зачем? Сбежит Юра, появится другой аферист с ещё более героической биографией. Ничто не могло пробить стену Верочкиной веры в «мужественного героя».

Главное, сейчас Верочка испытывает момент душевного подъёма и вдохновения.

После работы Люся забежала в супермаркет. Вечером Альберт обязательно попросит рюмочку перед ужином. В последнее время он совсем упал духом. Немного водки, хорошая еда и его настроение становится приподнятым. Наконец, он перестал твердить о своей поездке в Москву.

Люся знала, что его бывшая невеста Ольга живет и работает в Москве. Вполне возможно, что она ещё ждет Альберта. Что ж, не дождётся. Будет несправедливо, если к материальному благополучию Ольги ей добавится и личное счастье. Вот ещё бы Эльвиру наказать. За что? Трудно сказать.

Несмотря на то, что Альберт с каждым годом становился зависим от неё, чувство зависти к его сестре никак не стихало. Люся разумом понимала, что Эльвира не сделала ей ничего плохого. Но любое упоминание о красоте, успехах Эльвиры ранило Людмилу, вызывало из глубин её подсознания темное чувство зависти. Она сравнивала себя с огромным осьминогом, который в случае опасности выделял из специальных желез чернильное ядовитое облако. Вроде опасности Эльвира не представляла, однако ядовитое облако выделялось само собой. Наверное, ежедневные материнские фразы закрепились к Люсе навсегда. А тут еще Арина без умолку твердила: тётя Эля сказала то, тётя Эля сделала это, тётя Эля подарила!

В свой очередной приезд Арина рассказала о новой книге Эльвиры. О том, как её показывали по центральному телевидению, как участницу всероссийского книжного фестиваля. Довольный Альберт принялся расхваливать свою старшую сестру, вспоминая какой умной она была с детства. А настроение Люси, с утра бывшее превосходным, внезапно испортилось.

Её дочь, казалось, совершенно не скучает по матери. Приезжает домой очень редко, никогда не интересуется здоровьем своих родителей. Зато находит время для тётки. Разве может быть тётка важнее матери, которая выносила и вырастила дочь, дала ей образование? Когда она перестанет слышать про эту выскочку? Тоже мне, нашли писательницу!

Люся наблюдала за своими домашними и слушала, как Альберт с Ариной обсуждают достоинство Эльвириной книги. Она подумала, что если бы захотела, могла бы раз и навсегда убрать ненавистную Эльвиру из их жизни. Надо только хорошо подумать... Должна же и в её жизни быть какая-то радость. Если кому-то счастье валится само в руки, то ей, бедной Люсе всё приходится добывать, буквально выцарапывать своими руками.

«Уродина! Почему ты такая? Кто на тебе женится! Разве что, слепой?» – снова раздался в Люсиной голове пронзительный материнский крик.

«В этот раз ты ошиблась, мать. Хотя, кое-что в твоих словах показалось мне полезным... Я отбила мужа у этой верт-

лявой московской красотки. Помню, как искажилась её лисья мордочка от слёз, когда она узнала про измену своего Алика, куда вся красота делась. Вот тогда я испытала настоящее блаженство. Может, и не удалась личиком и фигурой, но мозги у меня работают превосходно» – мысленно ответила Люся матери.

Когда Альберт заснул, Люся взяла в руки книгу Эльвиры, и начала листать пахнущие свежей типографской краской страницы. Ничего интересного, никакой интриги. Правда, один из абзацев зацепил её внимание. Там был диалог двух женских персонажей. Люся внимательно перечитала текст и похолодела. Это было написано о ней. Точно о ней. Но откуда Эльвира узнала?

«Ты дорого заплатишь мне за свою болтливость...» – мрачно подумала Люся, захлопнув книгу.

* * *

– Эль, недавно Люся ездила к моему офтальмологу Охтину. Она так переживает за меня, ты даже представить себе не можешь. Охтин договорился с израильской клиникой. Там его друг работает. Сказал, что есть надежда вернуть зрение. Но нужны деньги. Сама знаешь наше стесненное положение. Ты не одолжишь? – Альберт позвонил ей в Иркутск.

– Сколько? – спросила Эльвира. Она была удивлена, что Охтин ни словом не обмолвился с ней о лечении в Израиле в

последнем телефонном разговоре. Впрочем, он был настолько загружен приёмом, что это понятно.

– Два миллиона четыреста... разумеется, рублей. Это на лечение. На проживание в отеле при больнице мы деньги найдем. Понимаю, что сумма большая. Обязательно напишу тебе расписку, пока что-то вижу... Люся выставила квартиру на продажу. Вернем тебе деньги в течение трех месяцев, – голос Альберта звучал глухо, словно он был нетрезв. Может, ей так показалось? Такого не может быть. Скорее, брат в сильной депрессии.

– Давай обойдёмся без расписок. Я доверяю тебе брат! – ответила Эльвира.

Эльвира копила деньги на новую квартиру для Тима. От брата у неё не было секретов. Они с Климом планировали приобрести сыну жильё в новостройке в Свердловском районе. Деньги хранились на депозите, чтобы не возникало соблазна потратить их. Но как отказать брату в помощи? Если Альберт откажется от поездки, она себе этого не простит. Кроме того, речь идет о каких-то трёх месяцах.

* * *

– Что случится, если поездка отложится до того времени, как Люся продаст свою квартиру? Ты и так оказала помощь своему брату, отдав половину материнской квартиры, которая полагалась тебе по наследству. Что-то быстро бра-

тец это забыл. Кстати, он обещал выплачивать тебе половину аренды за Люсину квартиру до полного погашения суммы за твою часть наследства. Прислал хоть рубль? То-то же... Подумай хорошенько, прежде чем снова давать брату деньги. Считай, что ты даешь их ненасытной Люсе, – сказал Клим, узнав о просьбе Альберта.

– Но брат сказал, что врач в Израиле долго ждать не будет. Может отказаться от операции. Что тогда? Альберт ослепнет? Это ужасно! – Эльвира закрыла лицо руками. Клим вздохнул, но промолчал. Они ужинали в полной тишине.

– Делай, как считаешь нужным, – наконец, сказал Клим, вставая со стула.

Назавтра Эльвира расторгла депозитный договор и перевела деньги на карточку Альберта.

Это было в конце января. С тех пор прошло полтора месяца. С тех пор телефон Альберта не отвечал. Эльвира решила, что брат уже уехал в Израиль. Но Арина недавно была дома, никакой речи о поездке за границу не было. Что изменилось?

Глава 4

Клим с раннего утра громыхал какими-то алюминиевыми конструкциями для туристического снаряжения. Снаряжал большой рюкзак и доставал тёплые куртки. Они с Ильей Верманом готовились к очередному восхождению на горные хребты Кавказа. Клим недавно стал представителем Русского географического общества, чем очень гордился. На этот раз друзья едут в составе небольшой группы в восемь человек покорять пятитысячник Дыхтау. Мужчины воодушевленно обсуждали детали своей поездки.

Эльвира посмотрела на часы. Всего шесть часов утра. Она решила, что подремлет до восьми. Тем более, что Клим не любит, когда она вмешивается в их мужской разговор. Особенно Климу не нравится, когда Эльвира стоит у двери и прощается с ним. Он любит уходить в горы просто и буднично. словно не уезжает на пару месяцев в альпинистскую экспедицию, а уходит на работу до вечера.

Эльвира слышит, как хлопает входная дверь и в доме воцаряется тишина.

«Живем, как соседи по коммуналке. Уехал, даже не попрощался. Как быстро ему надоело быть дома...» – грустно подумала она. Под окном раздался крик соседского петуха.

Соседский курятник находится почти под окном спальни Эльвиры. Первое время она вздрагивала от этого кукарека-

нья, а после вспомнила свои летние каникулы в дедушкином доме в деревне. И стала слушать петушиные крики с удовольствием, мысленно окунаясь в детские воспоминания.

Она завернулась в теплое одеяло и лежала, размышляя об особенностях долгих семейных союзов.

В восемь часов Эльвира села в кровати, опустила ноги на пол, поискав теплые тапочки. Встала и чуть не вскрикнула от боли. Снова обострился артрит в районе щиколотки. Но всё равно надо встать и начать движение. Через боль.

Почти шаркающей походкой Эльвира дошла до ванной. Включила свет и с удивлением стала рассматривать темно-волосую женщину с седыми корнями отросших волос. Волосы волной ложились на плечи. Их цвет был неопределенный, каштановые пряди смешивались с рыжими, седина выглядела как серая паутина.

«А я ещё удивляюсь, что муж обращает на меня так мало внимания. Его понять можно. Вот и второй подбородок наметился, шея вся в морщинах. А волосы... Надо что-то делать с этой сединой. Или отрезать рыжие пряди до основания или снова закрасить их...» – размышляла Эльвира, промывая зубную щётку под проточной водой.

Медленно расчесала волосы и уставилась на кучки волос, застрявшие в зубьях расчески.

«Нет, это ужасно. Умные волосы покидают мою дурную голову с молниеносной быстротой. Скоро облысею, начнет просвечивать макушка, как у покойной бабушки. Надо всё

же решиться на радикальную стрижку» – продолжила размышлять Эльвира, выключая свет в ванной комнате.

На кухне она включила чайник и достала стальную турку с толстым дном. Заварила кофе, добавила сгущенное молоко. Недавно купила в интернет – магазине коробку сгущенного молока из Белоруссии. По вкусу оно напоминает то самое молоко, банки с которым высились стеной в магазине её родного города Январска.

Поставив кружку с кофе и бутерброд с сыром на маленький металлический поднос, Эльвира пошла в гостиную и села в своё любимое кресло перед телевизором, переключив мысли на позитивный лад.

Какое блаженство! Сидеть в тихом уютном доме, в уединении. Не торопясь пить кофе, наслаждаясь каждым сладким глотком. Слушать новости, а между тем размышлять о поворотах сюжета нового романа.

Это то, к чему она всегда стремилась.

По субботам после ужина Эльвира выходила на скамейку у дома и с удовольствием видела там своих соседок: Политу и Литу. Эльвира называла их посиделки «девичьими субботами». Со временем они подружились.

Полина и Лита тоже закончили Иркутский медицинский институт, что позволяло находить множество общих тем для разговора.

Сегодня Полина сидела на скамейке одна.

– Что-то Лита не выходит. Снова Лёнечка раскапризни-

чался, – произнесла с иронией Полина, поздоровавшись.

– Честно говоря, я так и не видела этого Лёню. Как-то неудобно через забор заглядывать, – откликнулась Эльвира, поудобнее устраиваясь на деревянной скамейке.

– Да, ничего интересного. Толстенький старичок, ковыряется в носу и следит за каждым шагом Литы. Хотя, его можно понять... Если снять с неё этот платок и подкрасить глаза, так она просто Мерилин Монро в пору зрелости. Хотя о чём я? У самой не самый лучший в мире союз... Мы сейчас находимся в интересном месте нашей биографии, когда отчётливо виден результат прожитой жизни. А ведь наш выбор мужчины всегда чем-то обоснован. Если бы мы вместились и выросли, мы бы ничему не удивлялись. А так, видим завершающую часть и не знаем начала, – произнесла задумчиво Полина.

– Хочешь сказать, что Аэлита несчастна в браке? Мне тоже так показалось, когда мы впервые встретились с ней. Но, узнав, что их браку сорок лет, так не считаю. Просто это её выбор, каким бы странным он со стороны не казался. Поверь, я получаю много писем от читательниц, в которых они рассказывают свои истории. Так вот, на второй сотне писем я перестала удивляться чему бы то не было, – ответила Эльвира. Они замолчали и задумались каждая о своём.

– Ой, Эля, я же вчера обещала окончательно бросить курить. Помнишь? И снова задымила, вот! Нет, это последняя! – сказала Полина, возмущенно глядя на дымящийся

кончик своей сигареты.

– Да, ладно. Мы не станем злоупотреблять. Ты бросишь, мне, стало быть, тоже придётся. А я не готова. Я, наоборот, начала в этом вредном действе удовольствие находить. Не поверишь, начала больше курить, как только переехала сюда.

– А как муж относится к этому? Мой – отрицательно, – спросила Полина.

– Если бы Клим знал все мои дурные привычки... Мы друг друга видим в среднем пару раз в месяц. Сегодня в экспедицию укатил на три месяца, до осени, – сказала Эльвира, разминая отекавшие щиколотки.

– Ты не против таких длительных путешествий? Одной в доме непросто. Кран сломается, провода замкнёт или ещё что... кто поможет? – спросила Полина.

– А соседи на что? Вот вы у меня есть, например. Клим мне целый список полезных телефонов в блокноте оставил. Наберу, вызову. Кроме того, Тим приезжает по выходным. Не могу же я остановить Клима, который мечтает покорять горные вершины. С самого января готовится к поездке. Ему в четырёх стенах сидеть – мука мученическая. А мне необходимо уединение. Иначе я ничего написать не смогу. Я не нуждаюсь в интенсивном общении. Мне требуется обширное личное пространство. Слава Богу, Клим мне это предоставляет. Представляю, что мой муж сидит возле меня весь день, тошно делается, – ответила Эльвира.

– Значит, ваша пара почти идеальна? – снова спросила

Полина, стряхнув пепел в банку.

— Ох, нет. За всю жизнь мне не довелось встретить идеальную пару. Все они идеальные при свете направленных софитов, когда сидят ладком, прижавшись головками перед фотокамерой. А когда поближе войдешь в их жизнь, такое можешь узнать... У нас с Климом много всего было. А думаешь, что подвигло меня романы писать? Однажды взгрустнулось, стала писать о своих ощущениях в дневник и не заметила, как исписала толстую тетрадь. Вот тебе и первый роман получился. Психотерапия. Сублимация отрицательной энергии, накопленной внутри. Сложный процесс перетекания из души на бумагу... — Эльвира задумалась и залюбовалась розовыми красками заката.

— Чай, в экспедициях женщины бывают. Как правило, молодые и здоровые. Старые-то в горы не смогут заползти. За долгие месяцы отсутствия и нахождения в одной тесной палатке всякое может быть. Не ревнуешь? — насмешливо спросила Полина и посмотрела на Эльвиру.

— Не скажу, что такая картина мне не рисовалась в мыслях. Признаюсь, меня в молодости донимали такие видения. Однако это не подвигло меня надеть спортивную куртку и последовать за мужем с рюкзаком за плечами. В начале нашего брака я пару раз порывалась последовать за Климом. Он так заразительно рассказывал про романтику дальних дорог. Я вообразила, что могу стать его постоянной спутницей во время отпусков. Но хватило меня не надолго. Вместо ро-

мантики, в походах я видела лишь слякоть, неудобство, дискомфорт и прочее. Душ не принять, в туалет нормально не сходить. Нет, туризм – это не моё.

Я ленива, медлительна и склонна к тихому созерцанию жизни в приятных условиях. С годами приняла своего мужа с его увлечениями. Не хочу видеть рядом с собой существо с изломанной психикой. Тем более наш брак с самого начала больше напоминал спокойную дружбу, чем пламенную любовь, – ответила Эльвира.

– Но как вы могли встретиться? Домоседка и путешественник. Находитесь в разных плоскостях, в разных мирах. Мало вероятности для такого союза, прямо скажем, – поинтересовалась Полина.

– Мы с Климом – бывшие одноклассники. Мне в старших классах вдруг стал нравиться этот высокий сероглазый паренёк. Но я была очень застенчива. Кроме того, страдала подростковыми комплексами и готова была отсечь себе голову, чем признаться самой в симпатии. После окончания школы мы все разъехались, кто-куда и почти не виделись. Однажды, когда я уже заканчивала мединститут, я спешила на электричку. В выходные часто приезжала в Черемхово, навестить бабушку. Бежала от бабушкиного дома на железнодорожный вокзал. Чтобы срезать путь, пошла через центральный черемховский рынок.

Вышла из ворот, навстречу мне Клим. Меня словно ослепило. Таким красавцем он мне показался. Мы поздоровали-

лись, я почувствовала, что покраснела от смущения. Опустила голову. Он спросил, куда я так тороплюсь. Я ответила. И мы попрощались. Прошла несколько шагов и оглянулась, хотела увидеть его ещё раз. Это как в известной песне: «я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли ты.» Увидела, что он стоит на тропинке и смотрит в мою сторону. Потом подбежал ко мне и сказал: Вяцкая! Я вспомнил, мне срочно надо в Иркутск!

Все три часа в электричке мы говорили без передышки. И уже не расставались... Помню этот день до мельчайших деталей. Через пару месяцев Клим зашёл ко мне в общежитие и буднично предложил: Вяцкая! Я тут подумал. Может, поженимся, а? Я кивнула и почему-то рассмеялась. Сейчас рассказываю тебе и думаю, чего я тогда рассмеялась? Что смешного в предложении?

Никакой пышной свадьбы у нас не было. После окончания нашей учёбы, Клим с трудом выкроил пару часов, мы расписались в ближайшем ЗАГСе. Пришли домой, он схватил свой рюкзачок и укатил на горнолыжный фестиваль.

Не было никакого медового месяца, молодого мужа я увидела только через два месяца. Для всех удивительно, каким чудом мы ухитрились зачать нашего Тима. Спасибо моей маме, она помогла вырастить сына, – произнесла Эльвира.

– А мой сидит дома с утра до вечера, от телевизора ни на шаг. Раньше, хоть к соседям иногда ходил. Сейчас никуда, потому что соседи утомились от его бесконечной болтовни.

Летом полегче, я выхожу в свой огород и потихоньку копаюсь в грядках. Отдыхаю от него... А зимой иногда так тяжело. Часто ссоримся... Он всё пытается контролировать меня, а я этого не выношу. Наверное, Господь обтёсывает нас в браке, пытаясь таким образом создать из нас нечто более человеческое. Это больно, но полезно... Хорошо, что ты у меня появилась, – задумчиво ответила Полина.

– Да, я согласна с тобой. Нам в молодости казалось, что замуж мы выходим, чтобы обрести непреходящее счастье. А по божественному плану мужчина и женщина вступают в брак, чтобы стать лучше, чем были до брака. А когда мы становимся лучше? Правильно, когда страдаем! – сказала Полина.

– Кажется, бабушка и мать пытались донести до меня нечто похожее перед вступлением в брак. Но я посчитала их слова просто занудством. Была уверена, что мой избранник исключителен и с ним моя жизнь станет сплошным праздником. Разве молодые влюбленные невесты слушают чьи-нибудь советы? – усмехнулась Полина.

Глава 5

Альберт понимал, что его проблемы со зрением лишают его мечты продолжать работать в хореографии. С должностью руководителя студии пришлось распрощаться, уступив её недавней выпускнице Красноярского института искусств Алевтине Коркиной, ранее работавшей простым хореографом.

Это больно ударило по самолюбию Альберта и ввергло его в волну депрессии.

Врач выписал ему очки для постоянного ношения. Очки были с толстыми линзами, в строгой чёрной оправе. Они совершенно меняли прежний облик Альберта. За ними уже не было видно выразительных карих глаз, покорявших женские сердца. Тело Альберта высохло, мышцы стали дряблыми. Опасаясь оступиться, он стал чаще смотреть под ноги, сутулиться. Его некогда лёгкая походка изменилась в худшую сторону, сделалась медленной и шаркающей.

Знакомые, встречающие его на улице, приветливо здоровались. Но часто он их не видел, сводя все свои усилия к разглядыванию дороги под ногами. Его зрение ухудшилось настолько, что он видел только то, что попадало в фокус зрения, словно смотрел в трубу. Знакомые пожимали плечами в недоумении и шли дальше по своим делам. Некоторые совсем не узнавали Альберта в этом постаревшем высохшем

мужчине с морщинистым лицом и серым цветом кожи.

Директор дома культуры, учитывая прошлые заслуги Альберта выхлопотал ему должность ведущего специалиста в отделе культуры. Он стал чаще выезжать в командировки в составе городской делегации.

Однажды Альберт сидел в фойе конференц-зала одного из столичных развлекательных комплексов и готовился к очередной конференции.

Стеклянные огромные двери автоматически открылись, в фойе вошла женщина с девочкой-подростком. Альберт поднял глаза и снова углубился в текст доклада. Очки не компенсировали недостаток остроты зрения. Он держал планшет близко к лицу, чтобы буквы выглядели более отчетливо.

Но вдруг снова поднял глаза, словно его кто-то толкнул в бок. Женщина с девочкой приближались к столику, за которым он сидел.

– Мама, ты юбку подшить не забыла? Там, на талии чуть-чуть разошлась по шву, – звонко спросила девочка у женщины. Альберт смотрел на неё, не отрываясь. Наконец, он хорошо их разглядел.

Широкий рот, высокие скулы, карие выразительные глаза. Длинные каштановые волосы заплетены в тугую косичку, свернутую в клубок. Светлая улыбка ребёнка, выросшего в заботе и любви. А рядом она! Гибкая, стройная, с длинной шеей и маленькой головкой. Идёт к нему!

Но они проходят мимо, не узнавая его.

– Оля! – окликнул женщину Альберт, не веря своим глазам.

– Алик? Не ожидала увидеть тебя в Москве! – удивленно воскликнула Ольга. Она с удивлением посмотрела на черную оправу очков Альберта, но ничего не спросила. Светлые волосы забраны вверх синей заколкой, голубые глаза подведены стрелками. Его Олька – ромашка! Альберт почувствовал, что вот-вот упадёт и схватился за край стола.

– Аля, дочка! Подожди меня минуту! Я старого знакомого встретила! – крикнула Ольга девочке и села за столик.

– Сколько лет твоей дочке? Она не... – Альберт вдруг осёкся и замолчал.

– Расскажи, как ты? Как твоя семья? Ты переехал в столицу или проездом? – спросила Ольга, проигнорировав вопрос. Они поговорили минут десять, после чего Ольга взглянула на часы и заторопилась.

– Оставь, пожалуйста, свой номер сотового. Ничего, если я иногда буду звонить тебе? – попросил Альберт и умоляюще взглянул на Ольгу. Она достала из сумочки визитку и положила на стол.

«Студия хореографии «Солнечный круг». Руководитель Гольштейн Ольга Генриховна.»

«Она сказала, что давно замужем. Однако не сменила девичью фамилию. А девочка так похожа на меня... Скорее, на Эльку в детстве...» – размышлял Альберт, пряча визитку в дальний карман барсетки. Руки задрожали от волнения и

очертания просторного зала поплыли перед глазами.

Ему захотелось побежать за этими двумя женщинами, схватить за руку Ольгу, умоляя задержаться хоть на секунду.

Он уговорит Ольгу вернуться к нему. Он скажет ей, сколько бессонных ночей провёл в слезах и страданиях по ней, любимой Олечке. Но куда он позовёт её из благополучной столицы? И как он насмелится сказать Люсе о том, что любит другую? Люсе, которая посвятила ему столько лет жизни и заботы?

Альберт судорожно всхлипнул, как ребёнок и остался сидеть на месте.

* * *

– Девчонки! Сегодня предлагаю собраться у меня дома. На улице пронизывающий ветер и начинается дождь! – позвонила Эльвира соседкам.

Первое апреля на дворе. А холод такой, что скорее дождь напоминает мокрый снег. Эльвира принесла охапку дров и растопила камин. Гостиная наполнилась ароматом березовых поленьев.

Лита зашла и поставила на стол банку солёных помидоров. Она знала о пристрастии Эльвиры к домашним соленьям. Следом забежала Полина, стряхивая в прихожей стёганую куртку, которой она закрылась от начинающего холодного дождя.

– Три старушки под окном пили поздно вечером! – весело крикнула она и вытащила из широкого кармана куртки бутылку домашней наливки.

– Вот сейчас бедный Пушкин в гробу перевернулся от такого вольной интерпретации! – пошутила Эльвира.

– Это в честь какого праздника? А, поняла, в честь дня всеобщего обмана и смеха? – спросила Лита, открывая банку с помидорами.

– Сегодня – день рождения моей внучки Яночки! Гуляем! Я должна была пригласить вас к себе, но Павел не даст нам поговорить, уж я это знаю, – ответила Полина. Но все услышали, что её голос дрогнул. На минуту наступило молчание.

– Что? Удалось увидаться? – осторожно спросила Эльвира.

История о том, что Полина вот уже два года не может увидеть свою единственную внучку Яну, ей известна. Однажды Полина поделилась с подругами своей болью.

Рита, её невестка встретила другого мужчину и бросила мужа. При этом она пожелала, чтобы дочка навсегда забыла всё, что связано с родным отцом. Вернее пожелал сожитель невестки, который был моложе её и отличался резко выраженным комплексом неполноценности и крутым нравом. Рита трепетала перед возлюбленным и стремилась угодить ему. Мать бывшего мужа вошла в список персон нон-грата. Неважно, что бабушка вынянчила её дочку и вырастила до пятилетнего возраста, не отходя от неё ни на шаг. Важно, что

так захотел новый избранник Риты.

Полина билась за свою внучку, как львица. Подавала судебные иски, стояла под дулом пистолета, направленного на неё пьяным сожителем Риты, караулила Яну у дверей школы. Но после очередной стычки с отчимом дочери, человеком с тяжёлой криминальной историей, Полина очнулась на больничной койке после сердечного приступа. Когда она окрепла, то вновь написала в органы опеки с просьбой разобраться и помочь ей в свидании с внучкой.

Оттуда пришёл ответ, чуть не погубивший слабое сердце Полины: её внучка Яна, достигшая десятилетнего возраста, сама отказалась видеть бабушку. В разговоре с представителем опеки, девочка заявила, что не знает никакой бабушки Полины, впредь не желает знать и слышать про неё.

Полине предписывалось больше не беспокоить ребёнка своими попытками увидеться, перестать отправлять ей письма, сообщения и посылки. После этого письма Полина две недели не вставала с постели. Она похудела, осунулась. Её муж Павел уговаривал её успокоиться и принять ситуацию. Здоровье Полины с тех пор сильно пошатнулось. Она стала постоянным пациентом у кардиолога. Даже неистощимый оптимизм Полины стал временами сдавать позиции.

Поэтому Эльвира и Лита никогда не спрашивали Полину про внучку. На этот раз она сама заговорила о ней.

– Нет. Решила смириться. Зачем биться в закрытые двери? Месяц назад сидела возле дома, где моя бывшая невестка

с Яной живёт. Увидела девочку, сидевшую на лавочке. Попросила её вызвать Яночку из квартиры. А девочка спрашивает: «Вы – бабушка Яны? Так она не выйдет ни за что. Ей мама сказала, что вы украдёте её. Яна боится вас!» Я поняла, что моя настойчивость в желании увидиться с внучкой только повышает степень агрессии Риты. Побеседовала с социальным педагогом школы. Она говорит, что Яна стала походить на запуганного затравленного мышонка. Отказывается участвовать в школьных мероприятиях, боится даже к доске выходить. И я решила сделать шаг назад... Часто вижу Яночку во сне. Вижу, как она приходит ко мне в дом. Просыпаюсь счастливой. Может, Господь услышит мои молитвы и пошлёт мне эту встречу. Но верю. Я должна жить, чтобы дожидаться мою девочку. Эля, напиши когда-нибудь повесть о разбитом сердце бабушки. Мы часто читаем о страданиях родителей, разлученных с детьми. Но редко о том, что испытывают бабушки, когда из их сердец с кровью вырывают их внуков. Напиши как напутствие бабушкам, чтобы они не вращались во внуков, как это у меня случилось. Моя сердечная рана никогда не затянется, она кровит и кровит... – тихо ответила Полина. Лита и Эльвира молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.